

Skleněný
mostek
2015

Лана
Алина

A surrealist painting featuring a zebra with blue and white stripes on a carousel horse. A person in a red suit is riding the horse, which is positioned next to a large, ornate wheel. The background is a dark, textured red. The overall style is dreamlike and symbolic.

Вихреворот
сновидений

Skleněný můstek s.r.o.

Vítězná 37/58, Karlovy Vary

PSČ 360 09 IČO: 29123062 DIČ: CZ29123062

© Светлана Князева 2016

© Skleněný můstek s.r.o. 2016

Иллюстрации:

Вероника Язькова © 2016

Алла Кузнецова © 2016

ISBN 978-80-7534-060-3

Содержание

ПРОЛОГ. ВЕРОНИКА

Глава 1

Темно-серое воинство. Первый сон Веры Не-Павловны

2014 год

Глава 2

Римские каникулы Вероники

ЧАСТЬ 1. ВЕРА

Глава 3

Полёты во сне

1982 год

Глава 4

Рабочие будни Веры

Глава 5

Гимн быту и внештатная рабочая ситуация

Глава 6

Машкины откровения

Глава 7

Духовность джинсовой Стаи

Глава 8

Разбор полетов наяву

Глава 9

Полет во сне и наяву

Глава 10

Снов очарованья аромат

Глава 11

Понедельник – день тяжелый

Глава 12

Опасные игры «Молодых социалистов»

Глава 13
Погорелки

Глава 14
Академические будни

Глава 15
Полежалки

Глава 16
Гром среди ясного неба

Глава 17
Похороны

Глава 18
Ббом-mmm, бом-mmm, ббим-мм-ббомм!!!

Глава 19
Раздел имущества

1983 год
Глава 20
Профсоюзное собрание

Глава 21
Вихреворот

ЧАСТЬ 2. НИКА

Начало XX века
Глава 22

Эксы и революционные экзерзисы Зины

1996 год
Глава 23
Будни Ники

Глава 24
Что это было? Сон? Явь?

Глава 25
Фаллические сранки

Глава 26

Либеральные страдания Ники

Глава 27

Сетевой маркетинг-план

Глава 28

Дед и нравственный социализм

Глава 29

Ах, Артек!

1990 год

Глава 30

Римские каникулы Ники

Вне времени

Глава 31

Ах, Танечка, Танечка! Третий сон Веры Не-Павловны

ЭПИЛОГ. ВЕРОНИКА

2015 год

Глава 32

Всё ждала и верила

Глава 33

Эти старые московские дворы...

Глава 34

Графитово-серая плесень

Глава 35

А умер ли Сталин?

Глава 36

Там, где горит очаг

Сновидения к утру исчезают под впечатлением наступающего дня, точно сверкание звезд перед сиянием солнца.

Зигмунд Фрейд

Сновидение – это анархия психическая, эмоциональная и умственная.

Гюстав Дюга

ПРОЛОГ. ВЕРОНИКА

Глава 1

Темно-серое воинство. Первый сон Веры Не-Павловны

...Она вошла на станцию метро «Новослободская» и быстрым шагом направилась к турникетам. Что-то изменилось – быстро и неуловимо. Воздух стал вдруг спертым. Липким. Приставал к телу, словно вторая кожа. Что-то неприятное, тяжелое – *чужое* – повисло в воздухе, что-то было не так...

Лишь ступив на ленту эскалатора и спускаясь в глубину станции, она внезапно осознала, *что* именно показалось ей таким необычным. Ни в вестибюле, ни на эскалаторе не было ни души...

«*Калле один на свете*»... Вот так! Почему-то вспомнилась любимая детская книжка.

Который теперь час, с недоумением подумала она секунду спустя и привычно посмотрела на наручные часы... Ой, а часы-то она сегодня забыла надеть!

Но ведь на улице еще далеко не стемнело, и в метро в этот час обычно много людей – значит, не так поздно.

«Так же просто не бывает, даже перед закрытием всегда едут люди», подумала она, крепко держась за поручень.

Станция «Новослободская» – одна из самых глубоких в московском метро, и пока эскалатор медленно двигался вниз, о чем

только не успела она подумать. Удивительная вещь – мысль человеческая: сверкнет быстрее молнии!

Затхлостью повеяло вдруг снизу, из глубины. Мрачным замшелым холодом, точно из погреба.

Движущаяся лестница начала ускорять свое движение вниз, сначала незаметно, затем все быстрее, быстрее... быстрее... Потом её ступеньки стали вдруг разъезжаться прямо под ногами, на глазах превращаясь в крутую скользкую горку, а наклон резко увеличился, стал почти отвесным! И с головокружительной скоростью устремился эскалатор вниз, прямо в пропасть, увлекая ее за с собой.

Она из последних сил вцепилась в поручень, навалилась на него всем телом, но проклятая лестница-расчудесница, как называла ее когда-то маленькая Вероника, продолжала стремительное скольжение, нет! падение вниз...

Все быстрее, быстрее, быстрее-е-е!

– *А-а-а!!!* – Ей показалось, что она издала громкий вопль, но – только показалось: с губ не упало ни слова, ни звука... А кошмарное стремительное падение все продолжалось, и стало ясно: она не удержится на этой сошедшей с ума, неудержимо летящей вниз бесконечной лестнице...

– *О-О-Оой!* – Она задохнулась от собственного крика, он оглушил ее так, будто уши заткнули ватой.

– *А-а-а!* – Все бесполезно. Словно под водой, она уже не слышала собственного крика.

И никто не услышит, никто не придет на помощь.

Что-то темное, беспросветное, неведомое, кошмарное приближалось с каждой секундой, надвигалось – но секунды раздвигались, воплощаясь в минуты и часы... И от того, что никак не понять было, что это *такое*, ужас сгущался, уплотнялся, становился все темнее, беспросветнее, а его запах – все кошмарнее.

Пл-люх!!!

Но она не разбилась, даже не ударилась. С головой окунулась в какую-то вязкую – не то бурую, не то серую – колышущуюся клокочущую жижу, источающую тошнотворный тухлый запах. –

Как от зацветшего пруда или болота с застоявшейся водой... Нет, даже хуже – мертвящий запах, вот! – с отвращением подумала она, поднимая голову и изо всех сил стараясь не дышать смрадным испарением, исходившим от неживой воды.

От *мертвой* воды... Прямо как в русских народных сказках: живая вода, мертвая вода, – с ужасом вспомнила она свои детские впечатления от народного фольклора. Это запах... разложения и гниения – вот что это такое!.. Но, по крайней мере, хоть не разбилась, вроде бы живая...

Что это?

...Темно-серая плесень подступала. Надвигалась. Сбивалась в большие угрожающие тени. Окружала со всех сторон. Темно-серая мышинная плесень покрывала, точно пупырчатыми обоями, чем-то похожими на графитовую пыль, облепившую сырые стены домов. Темно-серая плесень забивалась во все поры. Вростала в них. Распространяла вокруг смрадное дыхание. Непереносимым становился запах отвратительной ядовитой гнили, которой разило от серой плесени. Размножалась-самовоспроизводилась она с бешеной скоростью. Производила себе подобных в геометрической прогрессии. Мутные расплывчатые рожи гримасничали, ухмылялись. Плесень уже захлестнула всех своей мутной пеной. Люди задыхались от гнилостного смрада, многие из них захлебнулись омерзительной разлагающейся жижей, поглотившей их, накрыв с головой. А грязно-серой плесени становилось все больше и больше! Она подчиняла, подавляла.

Как не потонуть, не пропасть, как выплыть в мутной пене захлестнувших волн серой плесени?

Много-много времени спустя это темно-серое графитовое заплесневелое воинство начало потихоньку отступать на заготовленные позиции, но затхлая хмарь никак не рассеивалась, мельчайшие графитовые частицы садились на волосы, попадали на одежду, на лицо... но нет, лицо она закрыла руками. И все равно смрад проникал, казалось, во все поры, в горле встал омерзительный ком, и она не могла его проглотить... Невозможно было вздохнуть полной грудью. Защемило сердце, тяжело заныло где-то под ложечкой... Неживая, гнилая – ядовитая реальность.

«Господи, только бы живой выбраться, судорожно думала она, только бы живой!»

...Потом перед глазами встало *его* лицо.

Дай утонуть в твоих глазах...

Шуршание полночного весеннего дождя по свежей юной листве.

...Летняя ночь.

Они медленно шли по кромке прибоя, держась за руки и глядя друг другу в глаза, а море шептало им ласковые слова, улыбалось и пело свою любимую песню, а волны, набегая, нежно ласкали, целовали их ноги.

И пела луна, разговаривая на разогретом закате аквамариновом плюше неба. Огромный спелый диск растущей желтой луны стремительно катился по небу, падал в море, ослепительно сверкая, плаваясь по краям, и звенел... Задышался от восторга. Томный, вкрадчивый взгляд золотой луны сопровождал их. Небо высверкивало пылающими светлячками звезд. А навстречу этим первозданным звездам плыли облака, кружили в светлеющем, будто разбавленном снятым молоком, небе – ночь летом коротка! – порхали и, как огромные бабочки, трепетали полупрозрачными кружевными крылышками.

Господи, дай мне утонуть в её глазах...

Точно две свечи вспыхнули в его глазах. Вспыхнули ярко, как всегда, перед тем, как погаснуть свечкам. Язычки пламени заструились ручейками радости, зашевелились, как живые, завихрились... И погасли свечи – обе разом, словно кто-то сильно дунул на них.

Чуждый. Враждебный.

2014 год

Глава 2

Римские каникулы Вероники

... И погасли свечки – обе разом, словно кто-то сильно дунул на них.

Чуждый. Враждебный...

... Вероника широко раскрыла глаза, села в постели.

Так это был только сон! Но к чему бы он? Странно: ведь сновидение – это осуществленное желание, как считал великий австрийский психолог Зигмунд Фрейд.

Яркий, но в то же время мягкий, теплый свет упрямо пробивался в комнату сквозь *persiane*¹, не пускавшие его в комнату, деликатно стучал маленьким горячим кулачком в классические римские ставни. Она вскочила, подошла к окну, распахнула некрашенные деревянные, видимо, уже очень старые ставни. Они раскрылись сразу, без скрипа, без усилия с ее стороны, широко улыбнулись ей. Вероника зажмурилась от удовольствия, от всепроникающего оранжевого солнышка, которое смеялось, приветливо озираясь в ее небольшой, обставленной в буржуазном римском стиле пятидесятых годов комнате. С третьего, а на самом деле с четвертого – такая уж здесь нумерация этажей – отлично просматривались *piazza Vittorio Emmanuele*² – говорливая, шумная, колышущаяся в самом сердце Вечного города, поток машин на *via dello Statuto*, *MAS*³ на углу... О, так он открылся, значит, уже больше восьми утра! Потоки людей и машин, и повсюду развалы, лотки с обувью, платками, кофточками, сумками, сувенирами и еще Бог знает с каким товаром. Любимый, каждое утро встречающий её, как старый верный друг, приветливый шумный

1 Римские ставни, открывающиеся наружу и характерные для центральной Италии.

2 Площадь Виктора Эммануила – большая площадь в самом центре Рима.

3 Улица Статута (Конституции) – улица в центре Рима. *MAS* – *Magazzini allo Statuto* – серия крупных магазинов в Риме.

город. Радостная, во весь рот, улыбка улиц, распахнутые добрые, васильковые, глаза неба. И каждое утро, с каждой новой встречей с этим оптимистически настроенным городом, словно изнутри зажженным ласковым оранжево-розовым светом – дома в нем построены в основном из розового туфа – каждое утро возникало знакомое уже ощущение мира, покоя, добра.

Как же уютно... – потягиваясь и улыбаясь, пропела Вероника *доброе утро* городу Риму и солнышку, его согревающему. Возможно, такое ощущение мира, покоя, уюта возникает от этого яркого, словно облили его синими чернилами, безоблачного неба, от жаркого и всё же ласкового оранжевого солнышка, от близости теплого, соленого-соленого и тоже ласкового моря.

И совершенно пропадали, растворялись, точно их никогда и не было, страх, назойливый, душный, беспричинный, и вечная его спутница и подруга – непонятная, липнущая к коже вина. Словно совершила она какой-то грех, какое-то тайное преступление, не тяжелое, но глубоко постыдное, а потом совсем о нем забыла. Но *те, другие...* Они-то знают, они помнят... и не доверяют. И надо теперь доказывать, что ты не верблюд, и идти получать справку о несудимости⁴, писать горы документов, и пересылать эти горы по электронке, и оформлять в соответствии с определенными нормами невероятное количество бумаг, потом бесконечно подписывать... И так живешь, точно под рентгеновским аппаратом, просвечивающим тебя каждые несколько месяцев своими гибельными лучами, и мучаешься от остроты ненужности...

Конечно, со всей этой малопонятной бумажной волокитой Вероника сталкивалась и в Италии – и сколько раз. Быть может, это вообще отличительная черта современности? Но, с другой стороны, еще лучшие российские умы XIX века говорили и писали о непомерном развитии бюрократии в нашей стране, в том числе, в системе образования и в сфере научной деятельности⁵.

И какая вина может быть у неё? Да нет же, конечно, нет! Раз-
ве она виновата в том, что жива и более-менее здорова, и иногда

4 Такую справку должен регулярно получать весь профессорско-преподавательский состав ВУЗов РФ.

5 Об этом, в частности, писал А. Герцен в 50-е гг. XIX в., после возвращения в Россию.

даже счастлива? Тогда почему же влажное вязкое чувство страха и вины отпускает её только в Риме, в Италии?

Вероника задумалась. Может быть, плюнуть сейчас на архив, куда ей надо непременно хотя бы еще один раз попасть до отъезда, на отложенные в *Biblioteca Nazionale*⁶ книжки – да и махнуть на море? Каких-нибудь сорок минут на метро – и вот она уже идет по приветливым солнечным улочкам *Ostia Lido*⁷, а совсем-совсем рядом, во-он за теми невысокими домами шумит, плещется синее-синее до самого горизонта тихое море.

Вероника любила море, ей нравилось общаться, беседовать с синим другом. Море, южное, теплое – то ласковая, то грозная стихия, непреложный, суровый порядок, непреходящая реальность. А море шуршит в ответ тишайшей ласковой волной, жаждет поведать ей шепотом набегающей волны о своих впечатлениях, рассказать о тайном знании... Можно и искупаться, и посидеть, общаясь с морем, и пообедать на самом берегу в каком-нибудь ресторанчике. Нехитрый набор: *cozze, insalata verde, pesce spada, vino da tavola* ⁸...

Нет, это она еще успеет. Уже завтра утром прилетает к ней её дочка. Как здорово! И в эти последние жаркие денечки начала сентября – всего-то навсего пять дней им останется – они вдвоем погуляют по любимым римским местам, почти святыням, и обязательно сходят несколько раз в их любимую *Basilica di San Clemente*⁹, что в двух шагах от Колизея и *Domus Aurea*¹⁰, съездят в Остию, а в воскресенье отправятся с утра пораньше на знаменитый рынок старого Рима – *Porta Portese*¹¹.

Ну, а пока надо собираться. Решено: она не пойдет сегодня в архив. Охота была в такую теплую солнечную погоду спускаться

6 Национальная библиотека (ит.)

7 Античная Остия – большой район Рима (или ближнего пригорода), расположенный на юге столицы прямо на побережье и являющийся крупной историко-культурной зоной, сохранившей развалины античного Рима.

8 Мидии, зеленый салат, рыба-меч, молодое столовое вино.

9 Собор Святого Климента, что около Колизия, на Эсквiline.

10 Парк и историко-культурная зона рядом с Колизеем.

11 Достопримечательность Рима – самый большой "блошинный" рынок, работающий по воскресеньям.

в метро и долго ехать, хотя и без пересадки, по ветке В, в ЭУР¹². Лучше уж в библиотеку: это совсем недалеко от дома, комнатку в котором она снимает, и туда можно дойти пешком, прикоснувшись к любимому городу, к которому она приросла сердцем, душой, всей кожей, к его улицам, почти всегда открытым церквушкам, домам, барам, маленьким магазинчикам.

Квартира, комнату в которой Вероника иногда снимала, приезжая в *Вечный Город*, принадлежала одной её старой знакомой и состояла из трех небольших комнат и небольшого холла, где стоял старенький круглый стол, телевизор и несколько скрипучих дедушек-кресел.

– *Buon giorno, Maria!* – поприветствовала Вероника вышедшую как раз в этот момент из кухни соседку, кроткую милую, очень аккуратную старушку, занимавшую другую комнату, а третья, совсем крошечная, пустовала. Маленькая, щуплая, какая-то незащищенная синьора Мария была сама живая история. Она помнила еще войну, фашистов, немцев, была свидетельницей оккупации гитлеровскими войсками Рима, о чем часто рассказывала Веронике, и даже вышла когда-то, в другой жизни, замуж за одного из партизан, боровшихся в Сопротивлении, а до того призванного юным новобранцем на итало-абиссинскую войну. Да только вот убили мужа-то, и детей даже не успели они завести. В сорок четвертом убили его, в самом конце той страшной мировой войны, тяжелым катком своим раздавившей жизни, надежды, судьбы римлян. И не только их.

Синьора Мария уже много лет жила совсем одна, в бедности, и совершенно одиноко: даже дальних родственников у нее не осталось, да и приятельниц – одна, хорошо, две, не больше. А поскольку и собственного жилья синьора так и не нажила, то снимала она комнату у своей знакомой, Агаты Рубео. Это жилье было ей по карману, а всех остальных её доходов, то есть пенсии, не слишком значительной, и довольно скудных сбережений, только-только и хватало, что на еду, иногда на парикмахерскую, да еще на лекарства, которые она почти всегда приобретала в аптеке на *Via dello Statuto*, как раз наискосок от дома. Болезней у синьо-

12 EUR – большой район в южной части Рима, построенный в 30-е гг. XX в.

ры Марии накопилось за долгую жизнь немерено, но она никогда не жаловалась, и Вероника не помнила, чтобы она когда-нибудь стонала или хмурилась. Напротив! Синьора, всегда оживленная, приветливая, с улыбкой на губах, так и сыпала поговорками да прибаутками, а особенно любила выдать вдруг какую-нибудь ехидную, хотя и безобидную шуточку, частенько с ядрышком легкой непристойности. «*Scopatevela, scopate, ragazzi,*» – могла она, ничтоже сумняшеся, заявить игривым тоном, хихикая и присоединяясь вечером к компании за столиком в гостиной, игравшей в *Scopa*¹³, а ведь среди собравшихся почти всегда оказывался и кто-нибудь из Вероникиных знакомых. Все весело смеялись, и никто не смущался от того, что старушка говорит, возможно, не вполне приличные вещи. Игра слов, *bel mot* – не более.

Сейчас синьора Мария держала в руках *cafettiera*¹⁴ с только что заваренным кофе, и по квартире растекался уютный утренний аромат мира и покоя. Она приветливо улыбнулась Веронике – и была такой теплой, такой уютной и до невозможности радостной ее улыбка.

– *A-a, ciao-ciao, bellissima, ciao, Veronica!* – поприветствовала её Мария. – *Come stai? Come è andata con i tuoi sogni d'oro?*¹⁵

– *Grazie, più o meno, bene, insomma!*¹⁶ – не рассказывать же Марии, в самом деле, о коварном графитово-сером воинстве, атаковавшем её ночью.

– *Meno male!*¹⁷, – прожурчала Мария и, напевая себе под нос, – *E va bene così, non ti merito più!*¹⁸, – аккуратно примостилась в скрипучее продавленное кресло у стола, достала крохотную кофейную чашечку, изящную маленькую сахарницу и широким жестом пригласила Веронику:

13 Это игра слов: “Scopa” – название карточной игры, в буквальном переводе “Метла”; “Scopare” – «*трахать*» (ит., вульг.). “Трахайтесь, ребятки, трахайтесь!”

14 Cafettiera- кофеварка.

15 Привет, привет, Вероника, привет, красавица! Ну как ты? Какие снились золотые сны?

16 Более-менее, а, в общем, хорошо!

17 Тем лучше.

18 Старая итальянская песенка: “Ну и пусть так, я тебя не стою более”...

– *Vuoi un po' di caffè, tesoro mio, l'ho appena preparato, eh? O prima vai in bagno? Vai, vai, io comunque te ne faccio un pochettino. Ci vuole la prima tazzi-ina di matt-tina*¹⁹, – пропела Мария.

– *Grazie mille, Maria, arrivo subito!*²⁰ – поблагодарила Вероника милую старушку. Пока она жила в этом гостеприимном доме, так, с утреннего *кофенутия*, начиналось каждое утро, и это стало их доброй традицией. Вот и славно, подумала Вероника, нельзя обижать заботливую синьору Марию, и принесла из холодильника купленные накануне вечером *dolci*²¹ для старенькой соседки. Она знала – синьора их обожает.

Уже взявшись за ручку двери, готовая выйти из дома, Вероника невольно прислушалась – и остановилась.

– *Va, pensiero, sull'a-ali dora-ate...*²² – донеслось из полуоткрытой комнаты синьоры Марии. Нет, это не радио, это поет сама синьора. Негромким, чуть дребезжащим, слегка ломким, но полным какой-то внутренней страстной силы голосом старушка исполняла известнейшую арию из *Nabucco*.

Надо же, как здорово! Ни одной фальшивой или неточной ноты. Наверное, у Марии абсолютный слух – так точно она передавала мелодию, ритм, нюансы арии из оперы Верди, подумала Вероника. Вот она бы ни за что так не смогла.

Город встретил Веронику шумным гомоном улицы и уютнейшими ароматами кофе, только что изготовленных сладостей и свежавыжатого сока, вырывающимися на свободу из открытых окон и дверей баров, которых здесь видимо-невидимо, и искренне-солнечную старую песенку «*A- Abbronzatissima, sotto i raggi del sole, come è bello sognare, abbracciato con te*»²³. Ну как тут не

19 Хочешь кофе, а, деточка? Я только что приготовила. Или ты сначала в ванную пойдешь? Иди-иди, а я тебе пока налью. Обязательно нужна первая утренняя чашечка!

20 Спасибо большущее, Мария, я сейчас!

21 Сладости, конфеты.

22 "Лети, мысль, на крылах златых!" – ария из оперы Дж. Верди "Набукко".

23 Популярная итальянская песня 60-х гг.: "Ух какая загорелая-загорелая, под лучами солнца, как же здорово мечтать, обнявшись с тобой!"

зайти, вот в этот, например, симпатичный бар, что напротив *Santa Maria Maggiore*, с замечательным видом на Базилику – здесь у нее знакомый бармен и эспрессо лучше, чем где бы то ни было. Да, по дороге в библиотеку она всё же хоть на минутку, да обязательно заскочит сюда. Кроме того, надо еще завернуть к знакомому продавцу периодики и купить у него *Messaggero*, *La Repubblica* – вообще, все свежие издания, которые он для нее, конечно, уже отложил сегодня утром по её просьбе.

А может быть, если пойти другой дорогой в *Biblioteca Nazionale*, то лучше зайти в тот старомодный, вероятно, еще довоенный бар у самого Колизея? Решено, именно сюда она сейчас и пойдет! Там она попросит у пожилого усатого синьора *barista*²⁴ чашечку крепчайшего эспрессо с коричневато-желтой шапкой пены – показатель качества кофе! – а еще *una spremuta di pompelmo*²⁵ и какой-нибудь круассан.

Удобно расположившись под тентом у входа в бар – денек снова выдался жаркий! – Вероника в момент осушила *la spremuta*, и, попросив усатого синьора Ренато сделать ей кофе как можно крепче, стала проглядывать сегодняшние газеты. Да, в мире неспокойно. Италия все никак не выйдет из туннеля кризиса, хотя оптимистически настроенные политики во всеуслышанье заявляют, что выход из него уже виден, до него уже рукой подать! Мигранты из Магриба, Сомали, Эфиопии каждый день прибывают, переплывая на утлых, надувных резиновых барках Средиземное море, залив Лампедуза, тонут там целыми семьями, прямо с детишками, кого-то, правда, удастся спасти, а беременные женщины прямо в море, в лодке рожают детей, и вот так – грязные, больные, голодные – они пристают к итальянским берегам, просят еды, помощи, пособий. А потом так они и живут здесь со всеми чадами и домочадцами на эти пособия... другой вопрос – легально или нелегально. А что поделаешь, вот тебе, бабушка, и Юрьев день, вот вам и политика мультикультурализма²⁶ в действии.

24 Бармен.

25 Свежевыжатый грейпфрутовый сок.

26 Политика, осуществляемая в Европе, в Евросоюзе в отношении мигрантов.

В Евросоюзе тоже куча нерешенных проблем, даже если не считать мультикультурализма. Тут вам и сепаратизм, и национализм, и еще какой-то *изм*, но это ерунда по сравнению с тем кризисом, который назревает в ее стране. Цены на нефть падают, рубль постепенно обесценивается, санкции пока не отменены, а вероятно, и еще усилятся, политические лидеры выступают с жесткими и не всегда продуманными заявлениями, экономическая политика невнятная, и экономика стоит, и предприятия закрываются одно за другим. Системного взгляда на глобальные вызовы, которые предъявляет современная жизнь, по-видимому, выработать не получается. А зато современная российская власть предпочитает осуществлять политику жесткой силы – и это уже аксиома, не требующая доказательств.

А россияне радуются, они преисполнены патриотических чувств и заряжены различными фобиями. Ещё бы, ведь уже весь мир признал нашу страну возрожденной сверхдержавой. Да, вот мы какие грозные получаемся. А истории и филологии не знают: в мировой практике устарело само понятие *держава*, и все словари мира помечают этот термин ремаркой «устаревший». Да и логика великодержавная осталась в первой половине XX века.

А зато *Крымнаш*, а зато мы великая держава и угрожаем всему западному миру. И в Украине происходит что-то невнятное... то есть, это как посмотреть. Ведь все зависит от угла зрения. А впрочем, когда Вероника читала итальянские, да и вообще европейские газеты, ей было очевидно одно: мало кто из иностранных журналистов до конца понимает российскую действительность, а значит, может составить о проблемах ее страны внятное экспертное суждение.

Бармен принес Веронике крохотную чашечку ароматнейшего кофе *ристретто* с кружевной бежевой пеночкой, и как раз в этот блаженный момент в ее сумочке зазвонил мобильный. А, это точно муж!

– Девчушка, привет, как дела? А ты в котором часу возвращаешься-то, я опять забыл? Когда самолет в Москву прилетает?

– Слушай, ну это ж только через неделю еще будет! Я сейчас

всё равно не вспомню, надо билет посмотреть, я тебе заранее сообщу – не переживай!

Как полезно иногда расставаться! Ненадолго, конечно. Она уехала всего на две недели, а всё равно они созванивались несколько раз в день и уж обязательно утром и вечером, перед сном. И вот соскучиться уже успели. Такой уж ритуал сложился у них за долгие годы совместной жизни. Иначе пустым, неполным, *оголенным* становился день.

Как радостно топаются ей по выпуклым блестящим кубикам римской брусчатки! Римские тротуары быстро отучили ходить по городу на каблуках: все ноги отобьешь, завтра ходить не сможешь. Куда удобнее в туфлях-балетках или кедах.

В этот свой приезд в Рим Вероника должна была собрать в библиотеке и в архиве недостающий материал для докторской диссертации по еврокоммунизму и европейской либеральной традиции, а попутно и для серии статей в цитируемых изданиях СКОПУС и РИНЦ²⁷, которые она поставила в план научно-исследовательской работы в университете. Требования к публикациям постоянно ужесточаются, и, вероятно, это правильно, жаль только – иногда лишь по форме, и не всегда это отражается в лучшую сторону на качестве. Ваковские²⁸ публикации стали теперь своеобразной планкой, которую необходимо преодолеть, а минимальное их количество – допуском к защите, и без этого не обойтись!

До отлета в Москву Веронике оставалось всего несколько дней. В России, как она могла видеть из газет, новостей по телевидению, из интернета, её ожидали тревога, беспокойство, неуверенность. Овладевало бессилие. И вот снова – *страх и вина*. И вот снова она отправляется во внутреннюю эмиграцию...

Эта сладкая парочка. Страх и вина. Они стали уже её извеч-

27 SCOPUS – единая международная реферативная база данных, индексирующая несколько десятков тысяч наименований научных и журналов и около 5 тыс. международных издательств; РИНЦ – российский индекс научного цитирования ученых.

28 ВАКовские публикации – опубликованные в ваковских (избранных ВАК) журналах и необходимые для допуска к защите кандидатских и докторских диссертаций. ВАК – Высшая Аттестационная Комиссия при Министерстве образования и науки РФ.

ными спутниками и, точно неумолимые часовые, сопровождали с того самого момента, когда самолет начинал снижаться и, протыкая, пробивая своим мощным телом плотные облака родного неба, заходил на посадку.

ЧАСТЬ 1. ВЕРА

Глава 3

Полёты во сне

...Верочка с трудом тянет на себя тяжелую входную дверь. Вздыхая и сопя, она с усилием открывает её, входит в подъезд, оглядывается с опаской.

Поднявшись на несколько ступенек, девочка встает на цыпочки и еле-еле дотягивается до кнопки вызова лифта. Ой, как трудно, когда рядом нет никого из взрослых: дверь-то ведь такая тяжелая, а кнопки всегда почему-то расположены чересчур высоко...

Наверное, наступил уже поздний вечер – но тогда почему она возвращается домой одна? Так же просто не бывает! Мама и папа никогда раньше не отпускали ее одну, тем более вечером. И, как назло, у лифта нет никого из соседей. Как же долго тянется время, как медленно едет лифт – наверное, спускается с последнего этажа. С её этажа.

На площадке перед лифтом горит только одна лампочка. Вся покрытая пылью, высоко, под самым потолком, она едва освещает подъезд совсем слабеньким тусклым светом, и от этого мертвенного освещения все вокруг кажется Верочке блеклым, нереальным, словно в тумане. Как-то жутковато ей одной в подъезде!

Старенький болезненный лифт тяжело спускается, наконец, на первый этаж, шумно вздыхает, кашляет, с трудом переводит дух, кряхтит, треща всеми своими разошедшимися костями по очереди, с усилием садится на дно шахты. Ну, прямо как старенький дедушка Верочкиной подружки Наташки, когда тот, ерзя и шурша газетой, стонет, что-то шепчет под нос, шарит вокруг себя, ища очки, и, наконец, устраивается в своем глубоком ободранном кресле у телевизора с огромной лупой перед крохотным экраном.

Верочка отворяет железную решетчатую дверь шахты подьехавшего, наконец, лифта, аккуратно задвигает за собой его стоящие старенькие деревянные створки и, приподнявшись на цыпочки, старательно жмет на последнюю кнопку: они живут на последнем этаже. Лифт медленно, даже медленнее, чем обычно,

как при замедленной съемке, ползет вверх, старчески скрипя, по-
крахтывая и чуть-чуть сильнее, чем всегда, раскачиваясь на тро-
сах. Все как обычно. И чего это она испугалась? Она почти дома!
Ну слава богу!

В кабине вдруг быстро-быстро замигала мутная запыленная
лампочка. Второй, третий... – шёпотом, хотя её никто не мог услы-
шать, Верочка считает этажи, аккуратно загибая пальцы на пра-
вой руке, – четве... ой! Усталая лампочка ехидно подмигивает
Верочке в последний раз – и гаснет. Жуткая черная темнота окру-
жает её, и в этой кромешной тьме лифт внезапно начинает дви-
гаться быстрее, быстрее, еще быстрее, потом еще ускоряет свой
бег, пробегает пятый этаж, пролетает шестой, выскакивает, как
запыхавшийся нашкодивший мальчишка, на седьмой...

– Ну все же уже, я же уже приехала, да останавливайся же, на-
конец, ты слышишь?! – громко кричит Верочка лифту, судорожно
нажимая в темноте на все кнопки подряд.

Но лифт не останавливается: как ненормальный, вихрем про-
летает он седьмой, последний, этаж и – устремляется ввысь.

«Но куда же он так несется? Там ведь дальше что?.. Не знаю!
Потолок или чердак? – в ужасе соображает Верочка. – Сейчас
лифт на такой сумасшедшей скорости пробьет потолок, потом
крышу, вылетит на улицу и... все! Мы с лифтом, конечно, полетим
сначала вверх, но ведь потом-то обязательно вниз, и мы же с ним
тогда упадем прямо на асфальт и разобьемся, и я умру!»

Верочка кричит что есть мочи. Оглушительный крик, грохот,
скрип, треск и скрежет, непроглядная чернота, потом нестер-
пимый, ослепительный яркий свет... Какой-то непереносимый
свист, грохот, сирена сопровождают ее полет. Что это? Сон? Явь?
Прилетели тарелки НЛО?

...А это что такое?

Кипит, дымится земля под дождем.

А глаза их сияют, и сверкающие дождемки – или слезинки?

Мерцают и медленно капают с ресниц.

Поцелуй длится бесконечно, пока хватает воздуха. «А я уж по-

думал...» – страстно шепчет *он*. «А ты не думай...» – тоже шепотом отвечает она...

Кошмарный звук сирены становится все сильнее, громче, переполняя этой жуткой какофонией звуков все её существо. Все пропало! Какая-то враждебная, злая – *чужая!* – чуждая сила отрывает его от неё – и нет его больше, обрывается счастье! Громкий, требовательный, нахальный трезвон...

1982 год

Глава 4

Рабочие будни Веры

...Громкий, требовательный, нахальный трезвон прорвал непроглядную черноту, оглушительный скрежет и крики. Титаническим усилием воли, за уши, Вера вытянула себя из кошмара сна. Нет, это телефонный звонок вынул ее из страшной *нереальности* полета в лифте.

Ну слава Богу, это был только сон, *ее* кошмар. Сон Веры Не-Павловны.

Но ведь он повторяется снова и снова, в который уже раз повторяется это сновидение. Она даже со счета сбилась. Не посчитать, сколько раз в ее жизни повторялся один и тот же сон. Вся в холодном поту, мокрая, будто только что из-под душа, дрожа от ужаса, пытаясь совладать с голосом, еле-еле переводя дух, Вера сняла трубку, попутно стукнув себя ею по скуле.

Звонил Валерка, муж, хотел узнать, проснулась ли она и собирается ли уже на работу.

– Катюню в садик отвел, не опоздали, все в порядке. Я уже на работе, – жизнеутверждающим голосом отрапортовал муж. Точно так же делегаты рапортовали на XXVI съезде КПСС.

– Отлично... Значит, все хорошо?

– А то! Обижаешь! Вероня, слушай, так ты помнишь, мы вечером сегодня идем к Сашке: у них с женой вчера была годовщина свадьбы какая-то по счету, а сегодня как раз пятница. Они уже

много раз напоминали, и опаздывать нельзя, к шести ровно нас ждут! Вообще-то, конечно, это повод только – пулечку сочинскую на троих распишем. Эй, Смольный на проводе! Что у тебя с голосом, ты, часом, не заболела, а, девчушка? Нет? А? Так ты как там, слушаешь, что ли, или опять заснула?

– Да слушаю я уже, слушаю... я давно не сплю, только...

– Вот и просыпайся давай, уже поздно – ты на работу так не опоздаешь?

– Да ладно... – тут Вера не удержалась, зевнула. Совсем не хотелось рассказывать мужу, ни по телефону, ни вечером при встрече, что она опять видела *этот* страшный сон. Но недавний кошмар все не отпускал ее, не позволял вернуться в реальность.

– Слушай... К шести, говоришь, да? Но я... знаешь, а я ведь могу как раз сегодня и задержаться, у меня встреча с шефом по диссертации... – проямлила Вера. – Не знаю даже, на сколько времени... от него зависит, когда он освободится...

– Не-ее, ну так не годится! У тебя все одна только работа, и никуда вместе с тобой и сходить нельзя! Слушай-ка, ну попробуй все-таки освободиться, отпросись, в конце-то концов, сегодня пятница – короткий день. В общем, так, захочешь – так придумаешь что-нибудь! Ладно, все! Просыпайся, вставай: пораньше начнешь – побыстрее закончишь, а я тебе поближе к вечеру на работу еще позвоню. Давай часа в четыре позвоню, ладно? Ну все, пока! И вставай уже, а то опять задрыхнешь – это тебе пролетарий умственного труда говорит!

Вера с облегчением положила трубку, на ощупь, и не сразу попала – телефон стоял на тумбочке у изголовья кровати – и снова откинулась на подушки. Вставать не хотелось, собираться на работу – тем более. Вроде бы по ощущениям и выспалась, хотя легла очень поздно, а сил совсем не было –неужели проклятый сон высосал все силы? Может быть, позвонить, сослаться на нездоровье? Порядки у них в институте либеральные – бюллетень не потребуют.

Нет! Сегодня этот номер у нее никак не пройдет! Шеф не поймет, надо ему доложить, как обстоит дело с заключением по

диссертации, с написанием автореферата... Главное, ведь к концу дело идет, немного совсем осталось – последний рывок сделать! А ни сил, ни желания защищаться нет почему-то...

«Ладно, вот полежу еще только самую чуточку, самую крошечку, ну еще только пять-семь минуточек. Ну, а потом – волевое усилие, рывок, отрыв, и найти тапочки, которые за ночь разбросались по комнате в разных направлениях, и поди-ка отыщи их теперь.... Кухня, кофе, горячий душ, потом нахлобучить то, что приготовила с вечера – вот молодец, похвалила сама себя Вера, продумала заранее, потом еще чашечка кофе, как посошок на дорожку, а завтрак в другой раз, ну, а на закуску – завихрение, вихревой поток – и все, и нет её, утекла!

Вера ещё раз вспомнила свой предутренний кошмар. Да уж, подумала она и даже хихикнула, ничего себе! Прямо-таки новоиспеченная Вера, только Не-Павловна, с её вечными снами! Что ж, значит, это был первый – или уже не первый? – сон Веры Не-Павловны.

Потом взгляд нечаянно упал на стоящие на серванте часы – Вера так и подскочила. Через полчаса она во что бы то ни стало должна вылететь из дома.

Утро, забыв посоветоваться с ней, вывалило кучу проблем – в бирюльки, что ли, собралось сыграть? И не было для Веры ничего хуже выхода из дома. Это стало сущим мучением. Какая ж ты безалаберная! – ругала она себя, вылетая из квартиры минут на пятнадцать позднее, чем нужно. И ведь так каждый раз.

Запирая дверь, Вера услышала настойчивую трель телефона. Может быть, с работы уже разыскивают? Или вообще что-нибудь срочное? Вернуться? Послушать? Но она не стала этого делать. Нет, примета такая есть: даже если в зеркало, вновь выходя, посмотреться – всё равно, пути точно не будет!

А, вот и утро снова встало не с той ноги – как и она. Дождь со снегом поливал сверху из *распоследних* сил, а за зонтиком возвращаться уже не было времени. Хорошо, что у нее пальто с капюшоном. Ну что это за зима в конце января! Похоже, в Москве больше никогда не будет настоящей зимы – с крепким морозцем,

хрустящим под ногами снежком, северным малиновым солнцем. Так нет же! Дождь зарядил с самого утра, безнадежно-серое небо хмурилось, всхлипывало почти неслышно, проливало бесконечные слезы... Надо было надеть другие сапожки – эти явно не по погоде.

Хотя денег в кошельке оставалось совсем не густо, до метро она взяла мотор, ржавую *копейку*. Машина дребезжала, стонала и только чудом не развалилась прямо на ходу – благо, до метро совсем близко, всего три остановки. Но ведь автобуса можно и не дожидаться. Дальше проще: в метро на работу прямая ветка, без пересадки, потом, как всегда, спринтерский рывок – *взбегание* по эскалатору.

Вера очень спешила. Она сильно опаздывала на работу. Было уже далеко не утро, ведь утро как-то незаметно, словно по мановению таинственной волшебной палочки, уже воплотилось в день. Этот самый день вдруг предстал перед ее испуганными глазами в своем официальном наряде, в длинном пальто и шарфе, и был он застегнут на все пуговицы до самого горла, и поманил ее скорее бежать на работу. Одним словом, Вера очень опаздывала.

В академическом институте, где в качестве младшего научного сотрудника трудилась Вера, рабочий график был, по правде говоря, не слишком жесткий – только три (а чаще два) официальных присутственных дня в неделю, да и то не с утра до вечера. Правда, платили за это такие смешные деньги, что едва ли на них можно было прожить: на руки в месяц у Веры получалось чуть больше ста рублей. В остальные дни сотрудники должны были находиться в рабочее время в библиотеке и собирать материал для своих трудов – научных статей, служебных записок, институтских сборников. Иногда, впрочем, случались авралы: на отдел спускали срочное задание из ЦК КПСС или ВЦСПС²⁹. Тогда нормальная жизнь прекращалась, и все имеющие отношение к заданию сотрудники работали в экстренном режиме – без обеда, выходных, без сна и отдыха.

Прошлой ночью, так некстати завершившейся сном-кошмаром, Вера корпела над авторефератом своей кандидатской дис-

сертации. Работа её была практически готова, а автореферат она обещала непременно закончить до конца недели и отдать научному руководителю, а уже наступила пятница. Полночи провела без сна, а как только прилегла – опять этот кошмар! Рассчитывать выспаться не приходилось. Наверное, придется работать и следующую ночь, и все выходные, чтобы утром в понедельник явиться с гордо поднятой головой и торжественно положить на стол шефу – он же по совместительству и ее научный руководитель – готовый текст. Прямо с боем часов – в десять ноль-ноль утра. Конечно, Валерка не придет в восторг от такой перспективы на ближайший уик-энд. Она-то будет за письменным столом сидеть, а мужу что, на ее спину склоненную любоваться, да?

И вот теперь, подбегая к своему институту по узкому, похожему на среднего размера подкову, переулку в самом центре Москвы, Вера отчего-то занервничала. Она вошла в ворота, отделявшие здание от переулка, с трудом потянула на себя тяжеленную дубовую дверь.

И первым человеком, кого увидела Вера, войдя в институт, была ее близкая подруга Майка Катаева, которая, очевидно, дожидалась у самого входа.

Майка так и бросилась к Вере.

– Слушай, Веронь, ну, ты ва-аще даешь! Где ты ходишь до сих пор?

– Майка, ради бога, ну что еще такое? С тобой что-то случилось?

– Со мной-то ничего, а вот с тобой сейчас точно случится – сама увидишь что! Шеф твой вот уже почти два часа, – между прочим, вот прямо как пришел, с десяти ноль-ноль утра! – рвет и мечет, всех по тревоге поднял, тебе домой уже обзвонился. Думаешь, чего я-то здесь торчу, а? Тебя я здесь сторожу, нарочно, на дальних подступах, потому что, слышишь, когда ты сейчас к нему пойдешь, надо тебе по-быстрому придумать какую-то ну уж о-очень уважительную причину, почему опоздала – иначе точно не прокатит, я уже не знаю, на что он сейчас способен вообще! А у другой лестницы тебя Машка караулит, на случай, если ты

там пройдешь, и не дай бог, если ты вот в таком виде, как сейчас, предстанешь перед шефом!

– Ой! Вот же влипла! Слушай-ка, а ты, случайно, не в курсе, зачем я ему вдруг так срочно понадобилась? Ведь вроде бы проверки по институту сегодня не должно было быть, да?

– Да нет, там не в проверке дело! Хуже все гораздо! На проверке-то я бы уж тебя как-нибудь отметила, я сегодня рано пришла, прямо к десяти! – скороговоркой сообщила Майка. – Я, кстати, и в твой отдел забежала и в тетради, то есть в журнале приходов-уходов вашем за тебя успела расписаться за приход: подпись твою давно уже ведь освоила.

– Спасибо! Ну так в чем же тогда дело? – не поняла Вера.

– Вот я там что-то слышала, вам какое-то задание срочное из ЦК спустили – и как раз на ваш отдел, вроде бы что-то по коммунистам, по пленуму итальянской компартии да и испанской тоже... ну и по реакции французских левых сил... Ну, я так поняла, по крайней мере, – тараторила подруга. – Ты лучше давай потом еще с Машкой поговори, она ведь у вас там *на испанцах* сидит. А вы с шефом за *итальянцев* отвечаете, и что там еще французы написали. Но только сейчас ты не к Машке, а лети-ка ты лучше на крыльях любви прямой наводочкой к своему шефу, поняла? Наверно, вы там с ним на итальянский пленум выпадете, ясно тебе? Скорее всего, перевод текстов и ваши прогнозы, ну, там, комментарии всякие. В общем, поняла? Караул! Надо сделать, что называется, вчера. А по дороге придумывай давай поскорей какую-нибудь причину, ну *о-о-очень* уважительную только!

Так. Все ясно – сон с устремившемся ввысь лифтом в руку... приехали. Задание *сверху*, из Международного отдела – это уже серьезно. Что бы такое придумать, чтобы шеф Павел Аршакович ее сразу не пришиб на ровном месте? Болезнь ребенка? Нет, дочь Катька только что болела, вчера первый день в садик пошла, да и нельзя без конца ссылаться на детские гриппы, простуды, ОРЗ... вообще, нельзя на здоровье ссылаться, мало ли! Может, годовщина свадьбы? Нет, не выйдет! Во-первых, это не объясняет такого опоздания, и потом, они с Валеркой расписались уже три года назад, и шеф, кажется, в курсе.

Да, ситуация катастрофическая. Их институт, как и другие академические институты гуманитарного профиля – важные участки идеологического фронта, и с этим шутить было опасно. Как только на институт спускали задание сверху, *оттуда*, из Международного отдела ЦК КПСС, всех сотрудников отлавливали по тревоге, извлекали иногда из самых неожиданных мест – и как только умудрялись находить! – и они представляли пред светлыми очами на ковре у начальника отдела, который долго извергал молнии, сотрясал воздух громом, призывал на поникшие головы подчиненных мэнээсов всевозможные неприятности и бедствия. Правда, эти угрозы потом почти никогда не осуществлялись, но все же, как знать... могли ведь и сократить потом, и провалить по конкурсу. И аврал продолжался до тех пор, пока, наконец, готовое задание, упакованное и запечатанное по всем правилам, не отправляли наверх, в главное идеологическое ведомство страны.

В общем, понятно, что в такой ситуации даже авторефератом тоже сейчас не отговоришься – не выйдет! И потом, закончить его нужно было уже давно...

Действовать следовало быстро и решительно. Вера поднялась на третий этаж, открыла дверь своего отдела и, быстро поздоровавшись с сотрудниками, без стука влетела в кабинет шефа. Вот сейчас раздадутся раскаты грома, оглушат, засверкают молнии – одна за другой! Так что быка надо брать за рога – и немедленно!

– Здравствуйте, Павел Аршакович!

– Та-ак, Вера, а я что-то не понял, где вы до сих пор пропадаете? – Шеф смотрел на нее грозно, его обычно мягкие, лакированные восточные глаза зажглись недобрым огнем. И никакого тебе *здравствуйте!* – Я вас уже просто обыскался! А вы, вообще-то, в курсе, и может, скажете, который теперь час и когда вы должны появляться на рабочем месте, а?! Как это понимать? Почему вы все время опаздываете? – громыхал начальник, и голос его становился все громче, словно кто-то невидимый прокрутил ручку громкости до упора. – Да что такое вообще с вами произошло, а?!

Шеф крошил все вокруг своим тяжелым, как молот, жестким взглядом, а его голос все нарастал, закипая, и взлетел до самой высокой ноты к концу тирады.

Точно. Сон в руку. День начинался сокрушительно. Несчастливо. Ну ладно! Раз так – где наша не пропадала!

– Послушайте, Павел Аршакович, – начала Вера насколько могла уверенным тоном тоже на громкой ноте, помня о том, что лучший вид защиты – наступление, – вот что... я вам сейчас даже не стану объяснять, что со мной произошло, но это что-то... просто ужасное, понимаете! Я потом объясню... до сих пор не могу... в себя прийти! И позвонить я не могла, предупредить... Просто никак... Так бывает, но не в этом сейчас дело.

Тут она замолкла, опустила глаза, делая вид, что очень расстроена.

– Ну, хорошо, – неожиданно пошел на контакт шеф. – Ладно. Я понимаю, наверное, действительно причина уважительная, но все-таки, Вера, вы же сами понимаете: в таком случае могли бы всё же хоть позвонить, предупредить, вы же в Москве все-таки, а не в какой-нибудь, так сказать, тьму-тарахани. И к телефону вы не подходите, а, между прочим, сегодня ситуация особая... нужно срочно, понимаете...

– Да-да, я уже в курсе насчет срочного задания, Павел Аршакович, и я готова, правда, вот сию же минуту и возьмусь! Где текст или что у вас там? Я прямо сейчас и начну.

Шеф подошел к столу и начал перебирать бумаги.

– Где же это, а? Ну вот куда ж я теперь положил-то, а... О господи, да куда же... То, что для вас? Черт! А, вот же оно! – И он показал Вере довольно увесистую пачку бумаг. – Вот, видите, это материалы январского пленума итальянской компартии³⁰ – и все в основном по чрезвычайному положению в Польше, да, собственно, ему и сам пленум посвящён. Теперь давайте слушайте внимательно. Документы для служебного пользования, понятно?

30 Пленум ЦК итальянской компартии состоялся в середине января 1982 г., предвоя XVI съезд (апрель 1982г.) по инициативе её руководства, особенно её Генерального секретаря Энрико Берлингуэра, и был посвящён выработке ИКП позиции партии в отношении роспуска польского оппозиционного массового Движения «Солидарность» во главе с её лидером Лехом Валенсой, который был арестован, и введения 13 декабря 1981 г. чрезвычайного положения в Польской Народной Республике по решению главы партии и правительства ПНР Войцеха Ярузельского.

Строго закрытые, конечно – выносить их из института, понятно, нельзя. В докладе Берлингуэра и в материалах пленума – позиция итальянских коммунистов в отношении объединения Солидарность³¹, Валенсы³², Ярузельского³³, по поводу нашей официальной реакции в «Правде»³⁴, разумеется. Ну, одним словом, го-

31 Массовое оппозиционное объединение, возникшее в социалистической Польше в конце 70-х гг. сначала как независимая профсоюзная организация под руководством Леха Валенсы, а позднее ставшее широким оппозиционным просоветскому режиму движением. В 1980 г. Солидарность установила связи с АФТ-КПП (крупнейшее профсоюзное объединение США Американская Федерация Труда – Конгресс Производственных Профсоюзов). К лету 1980 г. Солидарность стала многочисленным независимым движением, набравшем силу и объединившем поляков в борьбе за радикальные реформы режима, против ортодоксального коммунизма, за свободу, уважение, соблюдение прав человека, плюрализм власти, уничтожение цензуры и диктата ПОРП (Польской Объединенной рабочей партии – так называлась коммунистическая партия Польши). Итальянские коммунисты, католическая церковь и Святой Престол в лице папы-поляка Иоанна Павла II (Кароля Войтылы) всеми силами поддерживали польскую оппозицию, а влияние идей еврокоммунизма в Польше очевидно усиливалось. Осенью 1981 г., в том числе под сильным давлением со стороны брежневского руководства СССР, усилились гонения на движение Солидарность, объединение было распущено, а в декабре Войцех Ярузельский вынужден был ввести в ПНР чрезвычайно положение, поскольку на том этапе не исключалось военное вторжение советских войск на территорию Польши.

32 Лех Валенса – лидер Солидарности, позднее – Нобелевский лауреат мира и первый президент свободной Польши.

33 Войцех Ярузельский – государственный деятель, генерал армии, министр обороны Польской Народной Республики (ПНР) в конце 60-начале 80-х, Первый секретарь ПОРП (1981-1989), Председатель Государственного Совета во второй половине 80-х гг., второй Президент ПНР (1989), первый Президент посткоммунистической Польши. Премьер-министр ПНР – с февраля 1981 г. Его выбор и решения, которые привели его на вершину коммунистического истеблишмента, — это был выбор значительной части общества, в условиях, когда Польша оказалась в советской сфере влияния. Тогда в его руках сконцентрировалась вся полнота государственной власти. Поначалу он пробовал разрешить нараставший в Польше конфликт мягкими средствами, заняв весьма умеренную позицию. Но летом 1981 г. решил — в значительной мере под давлением Москвы — защищать систему, что завершилось введением военного положения и ликвидацией «Солидарности».

34 Имеется в виду редакционная статья в газете *Правда* от 12.01.1982 г., ставшая реакцией на теоретические и практические инициативы Руководства Итальянской компартии. В статье содержится жесткая критика стратегии

сподин Берлингуэр³⁵ с его западноевропейским коммунизмом. А теперь вот в соответствующем отделе ЦК все это только что, прямо сегодня утром, спустили на нас, хотят взять измором. Срочно! Надо вчера! Где они раньше-то были? С предельно точным переводом, резюме, прогнозом и тэ пэ... А в прогноз включим – ну, это уж я сам постараюсь найти – отклики по Мадридской встрече: они там сейчас обсуждают чрезвычайное положение в Польше, правомерность действий Ярузельского³⁶... Это, кстати, прямо по вашей теме, так что, Вера, все ясно? Будем всем отделом сегодня работать, что называется, не просыхая. Три дня у нас только – да без всяких выходных! Сегодня посидим допоздна, завтра к девяти, а лучше к восьми, утра, хоть и суббота, ну, а в воскресенье дома все поработаем. В общем, с утра в понедельник надо будет все материалы уже сдать, представляете себе масштаб задания? За три дня надо все успеть, вы меня хорошо поняли?!

Да уж. *Три счастливых дня было у меня... с тобой...* Прямо как в воду глядела Алла Пугачева, в этой своей недавней коронной песне, которую она слышала по радио как раз перед выходом из дома. Вот тебе, бабушка, и юрьев день... Ну, и, конечно, проехала она мимо дня рождения сегодня вечером. Правда, не очень-то и хотелось. Валерке это, конечно, не понравится, он и так все время твердит, что для нее работа – это все, а он неизвестно на каком месте в ее шкале ценностей... Ну да ладно, ему она уж как-нибудь объяснит...

– Павел Аршакович, но ведь это же невозможно, – отмерла Вера. – Вы только посмотрите сами, ведь пачка-то какая увесистая! Ну сами посудите, как же мы с вами вдвоем-то – это мы так и за неделю не управимся!

– Ничего невозможного нет! – жестко отрезал шеф. – Мы вот сейчас информационный отдел полключим, там два-три человека ИКП.

35 Энрико Берлингуэр – генеральный секретарь итальянской компартии с 1972г. (и до смерти в 1984 г.), теоретик и практик еврокоммунизма.

36 На Мадридской встрече государств – участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (1980-1983 гг) в феврале 1982 года обсуждались проблемы отношения к польскому кризису и советской внешней политике в связи с введением в Польше в декабре 1981 г. чрезвычайного положения.

помогут с итальянским переводом: я уже Марину и Александра попросил, дал им куски текста. Хотя Саша-то, конечно, не особенно поможет – плохо переводит и очень медленно, и потом, за ним все еще править надо,.. но все-таки, хоть лишние руки! А мы тогда уже потом с вами все пригладим, считаем... И вообще основное-то все на нас с вами ложится. А Машу Швыреву и Игоря я уже посадил на испанский перевод, это их территория, слава богу... Хотя им-то не так много переводить – в основном комментарии испанцев, в принципе, Швырева и одна справится. А вот мы с вами... – Тут Павел Аршакович перевел дух, затем продолжал: – М-да... вот теперь вы видите, что наделали? Мы бы уже часа два, а то и все три как могли плотно работать, а вас все где-то нелегкая носит! И потом ведь, когда закончим перевод, нужно будет еще написать прогноз, рекомендации, а это уж, извините, прямо по теме вашей диссертации, вы про нее еще между делом не забыли, кстати? Где ваш автореферат, вы его домучили, наконец?

– Павел Аршакович, да он у меня практически готов уже... просто... знаете, я еще хотела там кое-какую правку минимальную, в основном стилистическую, внести – по минимуму – ну, и вам в понедельник отдать, но теперь, конечно...

– Да, теперь уж, конечно, все бросаем и срочно за перевод, прямо сию же минуту садитесь, без всякого обеда или, там, чая!.. А мне в Дипакадемию³⁷ нужно сейчас срочно, думаю, максимум на пару часов, потом вернусь и тоже возьмусь за перевод. Да, а вот диссертацию вы сами затянули очень, знаете ли, и, между прочим, теперь уже до лета на Совет по защитах скорее всего не попадаете! Тем более, у вас ДСП³⁸, закрытая защита, значит, опять у кого-то из ИОН³⁹, ведь этот институт непосредственно функционирует при ЦК, внешний отзыв просить надо, да? А оп-

37 Дипломатическая Академия.

38 В советское время многие *острые* с политической и идеологической точки зрения кандидатские и докторские диссертации защищались на так называемых «закрытых Советах» под грифом «Для служебного пользования» – ДСП.

39 ИОН – Институт общественных наук при ЦК КПСС. Располагался около станции метро «Аэропорт», напротив Московского Автодорожного института.

поненты кто у нас будут? Ладно, я еще подумаю... Да, а вот когда я теперь буду ваш текст читать? По ночам? Ночью я спать хочу, как ни странно! Это же надо внимательно, сами знаете – в основном эксперты автореферат читают, а диссертацию хорошо, если так, полистают только.

– Нет, ну это я поняла, ладно – постараюсь все подготовить. Павел Аршакович, может, еще успеем до лета... или, в крайнем случае, на сентябрьский Совет, нет? – виновато проблеяла Вера.

– Сами виноваты, и если поздно принесете текст, я и помочь вам не смогу, ведь его же выправить надо как следует. Я вот, например, свой автореферат раз десять переписывал, все уточнения вносил, или даже больше, я уж не помню. Да, и с публикациями у вас тоже не все в порядке: надо бы еще одну, а лучше две статьи куда-то тиснуть... Ну почему я все должен решать за вас, а? Какое легкомыслие! Ведь с вашей закрытой темой вы только в *ИОНовский* сборник и сунетесь: вас ни в *МЭИМО*, ни в *Новую и новейшую*⁴⁰ не возьмут... Если только из начала диссертации, там, где историческая часть – ну тогда, в общем, я поговорю в *Вопросах истории*. А какой-то текст, если его пригладить, можно и в *Рабочий класс и современный мир* сунуть... Вы, главное, напишите уже, а мы этот вопрос решим как-нибудь. Да, и еще – готовьтесь ко второй предзащите! Я думаю, дней через десять мы на отделе проведем, так что выступление подготовьте, и смотрите – реферат чтоб готов был полностью и чтоб я его прочитать успел! И кто вам только тему такую острую подкинул?.. И как раз надо ж так, чтобы пленум этот итальянский вдруг прошел! Вот смотрите, я дергаюсь, беспокоюсь, а вы? Чем занимаетесь? Развели тут амуры всякие, ну сколько уже может ваш медовый месяц продолжаться!

– Ну а что теперь, и замуж было не выходить, да? – тяжело вздохнула Вера.

– Уж замуж было невтерпех, а? Но я ведь так понял, для вас это была формальность?

40 Главные журналы исторического профиля, нацеленные в основном на современную историю: «Мировая экономика и международные отношения», «Новая и новейшая история», «Рабочий класс и современный мир».

– И откуда это вы всё знаете и всё понимаете... А я вот и так сижу дни и ночи прямо не просыхая, спины не разгибаю, а теперь еще это задание на все выходные – муж со мной тут же после этих выходных и разведется!

– Так что ж, может, это и к лучшему, а, Вера? – Голос шефа вдруг сразу потеплел, вскипел мелкими пузырьками, окрасился в розовый цвет, словно в стакан минералки плеснули вишневого сиропа, приобрел интимные, бархатные нотки; темные глаза его потеплели, стали яркими, словно зажглись изнутри... – О-ой, да не надо на меня так смотреть! А впрочем, вам это идет – просто прекрасная богиня Немезида! Или нет, лучше так: Синеокая Василиса Прекрасная... глаза какие огромные, синие-синие...

Павел Аршакович замолчал, посмотрел на нее, любуясь, произнес тихо и как-то отвлечённо, словно сам себе сообщая: «Да... очень красивая...» И сразу же, будто перебивая невидимого собеседника:

– Ладно, все! В сторону лирику, давайте поскорее разделим текст для перевода, я сейчас свяжусь с информотделом – и быстро за дело! Вера, так вы поняли – за работу, и не просыхая!

– Да ладно, поняла-поняла я все! Вы настоящий мучитель, Павел Аршакович!

– Это я-то? Да я-то либерал настоящий! А другой бы на моем месте вообще весь наш отдел разогнал: никто ведь работать не хочет. Нам прямо надсмотрщик с палкой в отделе на ставку нужен! И с опозданиями вашими заканчивайте. А то у нас проверки скоро начинаются, так что не попадитесь – я вас прикрывать точно не буду! – И добавил, теперь уже довольно громко:

– Какая красивая, и глаза синие-синие...

«А интересно – не удержался или нарочно сыграл?» – думала Вера, уже сидя за рабочим столом и стараясь вникнуть в текст доклада итальянского генсека. Она уже некоторое время замечала, как шеф смотрит на нее, но до сих пор он вел себя по отношению к ней безупречно.

Глава 5

Гимн быту и внештатная рабочая ситуация

Не поднимая головы, Вера присидела над переводом до обеда. Текст оказался довольно непростым, и дело было вовсе не в языке. Доклад Энрико Берлингуэра начинался с чисто философских размышлений, пестрел, особенно в начале, сложными философскими категориями и понятиями, в которых она мало что понимала и через которые продиралась с немалым трудом.

Майка принесла ей из столовой обед, и она сделала небольшой перерыв. После обеда вместе попили чаю. Сотрудники сектора, не задействованные в задании, разошлись, кто в библиотеку, а кто и домой, пораньше по случаю пятницы, а шеф сначала закрылся в своем кабинете и тоже работал над переводом, а потом отправился к директору, так что подруги были одни в комнате.

– Слушай, Вероня, знаешь что?.. Я раньше не могла сказать, но... Послушай, у меня опять проблемы.

– А что такое, снова Володька доставал?

– Ну да, а кто ж еще, он, естественно. Но на этот раз все более чем серьезно. То есть не просто доставал. Это не то слово! Ну вот представляешь, он вчера явился к нам вечером без звонка, прямо так, со мной даже не поздоровался, только посмотрел злобно, но и с Петькой тоже практически не общался, так, чуточку поговорил с ним, ну, там, повоспитывал, всякое занудство, покажи дневник, да какие отметки, да почему тройки, а по математике вообще вон двойка, это что, мать за тобой совсем, что ли, не следит, да почему лентяйничаешь, да почему то, да почему это, и еще как в школе учился и чем занят... и вообще, что лентяй и не в его породу пошел. А потом, знаешь, такое началось! У-ух! Потом мне на кухне закатил целый скандал! Орал прямо на весь дом – я так думаю, у метро слышно было даже!

– Как же так, вот прямо ни с того, ни с сего, завёлся с пол-оборота?

– Ну, ты же знаешь, мы ведь с ним не общаемся, вообще просто никак, и когда он к Петьке приходит, а это с ним редко в послед-

нее время случается, чтобы он с сыном общался, так вот, он со мной вообще даже не здоровается, представляешь? А тут зашел ко мне в кухню и прямо с ходу, без всяких предисловий, без здравости-до свидания: «Давай-ка разменивать квартиру, и немедленно, прямо завтра пойдем смотреть, я, дескать, уже и вариант подходящий нашел. Жирно вам тут вдвоем в большой двухкомнатной, а я должен ютиться бог знает где и как, как бездомный какой!» – Тут Майка заговорила противным тоном со странными интонациями, очевидно, изображая своего бывшего мужа Володьку.

– Да уж! Вот гад! – посочувствовала Вера. – Только как же, ведь ты говорила, у него вроде бы есть где жить. И что ты теперь будешь делать?

– Вот просто даже и не знаю что... – Майка горестно вздохнула, даже всхлипнула, потом встряхнула своими черными, как вороново крыло, слегка вьющимися волосами и продолжала: – Представляешь, у родителей его квартира трехкомнатная на Комсомольском проспекте в старом доме...

– Ну ничего себе! – изумилась Вера. – Там же квартиры огромные, старые еще, потолки высоченные – простор! Мы там недавно были с Валеркой у Сережки, ну, у друга его, помнишь, ты видела его. И что же, это называется – жить ему нигде?

– Ну вот же! Именно. И окна прямо на Москву-реку и Парк Культуры, ты представляешь? Но ее разменивать родители никогда не дадут, а с ними жить он не хочет. И вот теперь говорит: давай нашу квартиру разменивать, мы её во время брака получили, и вообще, это ты была инициатором развода, и виновата кругом, так что, если не согласишься, будем разменивать принудительно, по суду... вот так!.

– Нич-чего себе! – выдохнула Вера.

– Представляешь? И что мне теперь делать, а?

– Да уж, хоть бы эти его родители внука своего пожалели! А так, ведь если эту вашу двухкомнатную на Академической разменивать, то хоть и дом хороший, и район, и квартира прямо у метро, у вас с Петькой в лучшем случае может получиться только крошечная однушка, да и то где-нибудь в Чертанове или Отрадном, а не как у вас – почти в центре и у самого метро...

– Ну вот и я о том же! Здорово, да? – Майка опустила голову, и Вера поняла – сейчас подруга разрыдается. Потом, всё же совладав с собой, она продолжала: – И потом как же тогда со школой Петькиной, что, мне его из английской спецшколы забирать? А с моей работой? Мне сейчас от дома до работы полчаса, а если из какого-нибудь Чертанова?..

Подруги немного помолчали, затем Майка, залпом прикончив совершенно уже остывший чай в большой белой чашке с красной надписью *Teapot*, тяжело вздохнула:

– Слушай... Представляешь, а Петька-то мой теперь стал отца своего даже бояться, нет, прикинь, как тебе это! Меня потом просил: «Ма-ам, ты ему лучше сама скажи: не надо, чтоб он приходил!» Знаешь, что *этот* тут в один из последних приходов сказал? «Сынок, знаешь, а я тут собачку завел, она маленькая, но о-очень злая...» Ты представляешь? Вот как это понимать, а?.. А еще меня Володька вчера *лярвой* обозвал и еще как-то, я уже плохо помню...

– Да уж, жалко мальчишку, несладко ему, и потом, мал он ещё для таких представлений! – Вера медленно допила чай и сочувственно покачала головой. – Вот гад-то! А, кстати, что это такое – *лярва*? Никогда такого слова не слыхала.

– Да я и сама чего-то не поняла: ну, вроде как стерва или что-то в этом духе...

Вера покачала головой.

– Да сам он такой... Ну, а кстати, знаешь, у меня ведь тоже после развода дела лихо так складывались,.. это когда Катькин отец вдруг являлся к нам, как ясное солнышко в непогоду, без всякого предупреждения... Ну, скажем, в субботу с утра пораньше его вдруг нелегкая приносила, здорово вообще, да? Но, правда, вот хватило-то его не очень надолго, довольно быстро куда-то отвлекся, там у него потом, на наше счастье, очередная девица появилась... А потом у нее еще и ребенок какой-то там родился, я не знаю, и вообще... ну сама понимаешь, что получается, когда отец с ребенком не живет, в воспитании участия не принимает, да, по-хорошему, и никогда не принимал. А потом уже Валерка на горизонте возник, а когда Катькин папашка с ним пару раз но-

сом к носу как раз столкнулся у меня дома... в общем, так все на нет быстренько и сошло. Правда, знаешь ли, ведь нам с ним и делить-то было особенно нечего: у него какая-никакая, но своя обшарпанная однушка имелась, и у нас с Катюшкой своя квартира... Я, кстати, при разводе и от алиментов отказалась, потому что не хотела, чтобы он в нашу жизнь лез, да к тому же, если по исполнительному⁴¹, то это вообще смех, а не деньги! Потом и Валерка это моё решение поддержал...

– Вот хороший всё-таки он у тебя, Валерка... – задумчиво проговорила подруга.

– Да, ничего так... Но у тебя, конечно, другое дело... Известно ведь: квартирный вопрос испортил москвичей – это еще классик советской литературы, хоть и критической, нам в свое время четко разъяснил.

– М-да... Только вот как бы дело-то до суда не дошло, вот я чего, по правде говоря, боюсь... – еле слышно произнесла Майка, низко опустив голову. Защиты у меня нет, и знаешь, тут еще и мать моя на меня до кучи набросилась. Все время ведь клюет прямо в темечко: вот, дескать, надо было раньше думать, лучше смотреть, за кого замуж выходишь, от кого детей заводишь... И бу-бу, и бу-бу, представляешь?

– Да уж, если и самые близкие люди не понимают, поддерживать не хотят... – посочувствовала Вера. – Вот лучше бы мама твоя как-нибудь приехала да с Петькой посидела, уроки помогла ему сделать, пока ты на работе. Нет, в самое нутро лезет, проедает до печенок, а чтобы приехать и помочь, так и нет ее?

– Ну... Вот так уж... Я всегда думала, имеют ли близкие, мать, в данном случае, до такой степени влезать в жизнь своих детей?

– Нет, я думаю! Но наверно... это уж как поставишь, как поведется в семье... Слушай, а что, думаешь, правда, так всё серьезно, ну, с разменом? Как тебе кажется, пойдет твой Володька на это, ведь собственного ребёнка выселяет из квартиры?..

– Ну... знаешь что... в принципе не исключено... он может! Слушай, Веронь... – тут Майка сделала паузу, тяжело вздохнула. –

41 Согласно решению суда, по исполнительному листу выплачивались алименты на содержание несовершеннолетних детей.

Вот... знаешь... а ты, ну если... в общем, если что, если он подаст на принудительный размен квартиры, пойдёшь свидетелем в суд?

– Ну о чем ты, подруга! Еще спрашиваешь! Да конечно! Сделаю всё, что надо, а то!... Ой! – Вера взглянула на часы. – Слушай, а время-то как летит, уже пять без трех минут! Знаешь, сейчас шеф Аршакович ка-ак от директора вернется, да ка-ак увидит, что мы тут с тобой языками сплелись, да я еще к тому же утром сильно опоздала, и сейчас работа стоит – ну, он тогда меня просто по стенке размажет!

– Ладно, всё, Веронь! Я тогда к Петьке уже побегу... Ой, опять чуть не забыла! Слушай, кстати, тебе не нужен кубик Рубика⁴²? А то тут маме одна знакомая продавщица позвонила – она нам два отложила, ну так вот, один я для Петьки взяла, а другой ты не хочешь купить для Катюши? И потом, знаешь, опять же маме еще в заказе четыре банки сгущенного молока без сахара дали и печенья «Юбилейного» несколько пачек, так что могу с тобой поделиться, хочешь?

– Майк... не знаю даже... молока, наверно, возьму... Катюшке на полдник давать... две банки, и печенья... только, знаешь, можно деньги в понедельник? А? А то у меня сейчас только семьдесят копеек осталось с собой... А кубик, знаешь – наверно, нет, он же дорогой... давай я у Валерки спрошу.

– Да нет, вроде не очень... – задумалась, что-то подсчитывая, Майка, – но, впрочем, смотри сама, я все ж таки могу придержать вам. А насчет денег тоже не беспокойся: можно и до середины недели, и потом, у нас скоро зарплата, или потом как-нибудь отдашь, когда сможешь – это не беда, подумаешь, дела!

– Слушай, Майк, а ты не в курсе, почему у нас в последнее время совсем заказы прекратились? Не знаю уж, по всему институту или только до отделов они не доходят? А без них никак! В очереди стоять не успеваю, надо автореферат и статью дописывать, возвращаюсь поздно, все уже раскупают, да и знать бы еще, где чего дают... Ну сколько можно макаронами с котлетами покупными или с колбасой питаться! Вот же у мамы твоей, смотри – регулярно заказы бывают, ведь каждую неделю, кажется, да?

– Веронь, так ведь она в министерстве работает, учти, а там совсем другое снабжение, сама понимаешь... А мы в наших институтах – кому мы нужны?.. В общем, я и на твою долю возьму. Ну, все! Я тогда побежала, мне давно домой пора, а то ведь Петька теперь уже три часа почти как из школы вернулся, один сидит, чем занимается, непонятно, да ещё голодный, злой, как собака уже, наверно! Сам-то ведь толком не разогреет, не поест, хотя я ему всё прямо на плите оставляю... Ленивый – ужас, в отца, что ли? А если тут ещё этот папаша его до кучи опять как заявится! Не дай бог! Ладно, давай вечером попозже созвонимся, обсудим еще дела мои печальные, идет?

– Нет, Майк, знаешь, едва ли получится... я сегодня с переводом скорее всего здесь допоздна зависну, а потом ещё и дома буду ночью сидеть, так что даже и поспать не удастся – так, если только каких-то пару часов! А утром снова в бой – сюда, на ковер к шефу с переводом и с комментариями! Вечный бой, знаешь ли, покой нам только снится!

– Ой, Веронь, значит, ты сегодня не скоро, наверно, уйдешь? Слушай, пожалуйста, забеги тогда ко мне в отдел, распишись там в журнале приходов-уходов за меня, а то вдруг кадры журналы на проверку сегодня вечером заберут!

Вера сидела за переводом сложнейшего текста до самого вечера. К этому времени институт совершенно опустел: после трех часов редко кто засиживался в стенах учреждения, а уж тем более, в пятницу. Работа оказалась не из легких, и чем дальше, тем больше, и не из-за лексики или терминологии – если бы так! Нет, сам текст был очень острым с идеологической и политической точки зрения. Как-никак речь шла о западноевропейском коммунизме, то есть о том, о чем в Советском Союзе можно было прочитать только в закрытых документах из спецхрана⁴³. Но даже и

43 Спецхран – специальное хранилище в научных институтах и библиотеках по общественным наукам, где хранились закрытые документы, опасные с идеологической точки зрения. Такие документы выдавались сотрудникам только после предъявления специального допуска – так называемого «отношения», полученного по месту работы или учебы.

там зловещее, страшное для советских идеологов слово *еврокоммунизм* употреблять отнюдь не приветствовалось. Кому-кому, а уж Вере-то это было хорошо известно: в своей диссертации она писала именно о еврокоммунизме Энрико Берлингуэра⁴⁴, но сам этот термин умудрилась не употребить ни разу. Ведь она отлично помнила, как, прочитав текст ее диссертации, консультант из Института общественных наук при ЦК КПСС процедил сквозь зубы, негромко, зловеще сдвинув густые, с проседью, кустистые, а ля Брежнев, брови:

– И, дорогая Вера, зарубите на симпатичном вашем носу: Ленина мы *им* не отдадим, понятно? Ни Ленина, ни Шестую статью⁴⁵, понимаете? Вот не отдадим – как хотите!

Нет, даже не процедил – не то слово, неточное! – прошипел, как злобная очковая змея, хотя в его словах было не так уж много шипящих звуков. Ну как можно так исследовать проблему! Это и скучно, и неинтересно, и в таком виде вообще непонятно тогда, кому нужна ее работа, в чем реально, не для протокола, конечно, и не для *статуса* ее актуальность, научная новизна, в чем её предмет и что она вообще дает... А ведь даёт! И чем больше Вера вчитывалась в тексты последних выступлений Берлингуэра – на последнем съезде, а а январском пленуме – тем больше она это понимала. Демократия, свобода в её первоначальном, либеральном и, наконец, в христианском понимании, реальная возможность осуществления базовых прав человека. А главное, читая лидера итальянских коммунистов, она все больше проникалась идеей о том, что демократическая власть должна давать человеку реальную возможность быть счастливым...

Но обо всем этом нельзя было открыто написать. И не хотелось работать на корзину или, в лучшем случае, в стол, чтобы ее диссертация пылилась потом вместе с тысячами посредственных работ где-то на полке, хотя бы и в спецхране библиотеки. И зачем тогда защищать диссертацию под грифом «Для служебного поль-

44 Энрико Берлингуэр – генеральный секретарь итальянской компартии с 1972г. (и до смерти в 1984 г.), теоретик и практик еврокоммунизма.

45 Шестая Статья Конституции СССР провозглашала руководящую роль КПСС в советском обществе.

зования», если даже и в этом случае нет возможности написать правду? Тысяча и одна предосторожность на всякий случай? Но где же здесь логика, где простой здравый смысл? Защита для престижа, для научной карьеры? Потому, что повышает ее личный статус, потому, что *noblesse oblige* ⁴⁶?

Да, статус... Но, вероятно, в этой стране только так это и возможно – ведь недаром поется в песне *«Я другой такой страны не знаю...»*

Вера тяжело вздохнула и снова склонилась над переводом. Какое-то время она еще спокойно работала, понимая, что ей некуда спешить. Валерка, конечно, сильно ворчал и пыхтел, позвонив ей на работу и узнав об аврале в ее институте, но отправился в гости один и теперь неизвестно, когда придет (дай бог, чтобы не завтра утром!), а Катьку из садика забрала мама, и скорее всего, дочка там останется до воскресенья – иначе этот любознательный шестилетний несносный ребенок со своим миллионом вопросов не дал бы ей закончить перевод.

Неслышно ступая, незаметно подошел вечер и горестно вздохнул. Вера посмотрела на часы – ой, как уже поздно, а она за работой и не заметила: ведь в январе темнеет так рано...

Неслышно ступая, сзади подошел шеф, обдал ароматом дорогого приятного парфюма, неловко обнял Веру за плечи. Ну ничего себе! Дела...

– Ну как дела, Вероня? – сладким густым баритоном пропел Павел Аршакович и еще ниже склонился – как будто над ее переводом, а сам... Ну вот зачем, зачем было надевать сегодня эту кофточку с глубоким вырезом? Да затем только, что она сегодня опять проспала и потом, конечно же, эта её любимая, тонкой шерсти, идеально облегающая фигуру васильковая (так удачно оттеняющая цвет глаз) кофточка попалась ей на глаза в первую очередь – она отложила ее с вечера!

Шеф вплотную придвинул стул, уселся рядом, нежно, как-то словно шутя, вскользь, обволакивающим движением обнял за плечи, посмотрел на нее скользящим взглядом, прошептал вкрад-
чиво:

– Мы здесь одни сейчас... Вероня... Синеокая златовласочка... Да?

И впился в её губы стремительным нахальным поцелуем, обжигающим, как кипяток. После чего молча вытащил, как фокусник, непонятно откуда, может, из-за спины, три великолепных розы – две алые и одну желтую, чайную – и это в конце января, о боже, где только достал? Да он просто волшебник!! Широким красивым жестом шеф опустил благоухавшие розы в стоявший перед ней высокий бокал, из которого она пила чай. К счастью, бокал был пуст, и лишь на донышке оставалось немного чайной заварки.

– Это тебе... Вам. Извините...

Затем Аршакович быстро встал, аккуратно пристроил стул на место, сказал как ни в чем не бывало:

– Так. Поздно уже... Все. Идите теперь домой, Вера. Только дайте мне сейчас то, что успели перевести, я еще сегодня просмотрю, и отправляйтесь с богом, но завтра – вы помните? – чтоб как штык на рабочем месте, да не к десяти, а к девяти, и чтоб на сей раз никаких опозданий, а то с вами это частенько случается, но это не тот случай, ясно?

– Да уж... Ладно, хорошо. – Она тоже делала вид, будто ничего не случилось.

– «*Ладно, хорошо*»! – передразнил её шеф. – А всё равно позволяете себе опаздывать! Так, значит, тогда мы завтра до середины дня закончим перевод, потом все куски сведем воедино, затем вечером прогноз напишем... Кстати, продумайте вашу позицию, вам это легко, это же ваша тема! И тогда отдадим машинисткам. Я сейчас с Машей директорской договорился, а она уж там среди девочек-машинисток распределит как-нибудь. В понедельник утром они нам все это отдадут, мы весь текст считаем – и все! Успеем, только времени терять нельзя ни минуты! Да, и перед уходом в *журнале* распишитесь, не забудьте! У нас проверки по институту начинаются, кто когда пришел-ушел!

Повернулся – и тоже ушел.

Хорошо – напомнил, она бы забыла. Кстати, и за Майку тоже – забежать к ней в отдел!

Ну ничего себе дает Аршакович! Что теперь будет дальше? Ведь, по правде говоря, он совсем не был ей неприятен...

Ах, как красивы, как изящны были розы, какой свежий, душистый аромат они источали – особенно чайная... Как приятно получить в подарок розы в разгар хиленькой плаксивой московской зимы.

В общем, разудалый день у нее приключился.

Дома никого не было. Валерка еще не вернулся: ну, точно, загулял в своих гостях. Конечно, затеяли сочинский преферанс с именинником и другими приглашенными, а если так, то муж почти наверняка вернется домой с первой электричкой метро.

Вера поставила цветы в вазу (что она Валерке скажет?), сварила себе в турке крепчайшего кофе, разложила бумаги, начала быстро-быстро переводить текст. В институте дело у нее продвигалось почти в идеальном ритме – ровно до тех пор, пока не явился *Аршакович* с обволакивающим взглядом темно-карих, почти черных, лакированных восточных глаз и со своим обжигающим центростремительным поцелуем... А вот дома за письменным столом что-то сразу не заладилось. И ведь не мешал никто: Катя у мамы, Валерки ещё нет, конечно... Однако итальянский перевод вел себя в точности, как её муж, когда тот не хотел отвечать на какой-нибудь каверзный вопрос: строил невинные глазки, шутил, пытался отвлечь внимание – в общем, ускользал.

Поношенный день, измызганный, истерханный вечер, подумалось вдруг.

Вера тяжело вздохнула, снова пошла в кухню, заварила себе прямо в чашку крепкого чая – хорошо, что бабушка дала ей на прошлой неделе пачку со слонем (жуткий дефицит!) – потом вытащила из припрятанной от мужа пачки «Космоса» сигарету, закурила. Вообще-то курила она редко – только чтобы поддержать компанию после бокала хорошего вина или, вот как сейчас, для вдохновения за рабочим столом. Постепенно удалось, наконец, прогнать образ целующегося шефа. Как ни странно, это ей вовсе

не было неприятно, наоборот, бодрило... Правда, непонятно, как на всё это реагировать, если он опять начнет... Вера вернулась к переводу и работала, не отрываясь ни на минуту, несколько часов, пока не поняла, что не встанет завтра ни в восемь, ни даже в десять, если сейчас немедленно не ляжет спать.

Она нырнула в сон моментально, не успев даже погасить свет: только потянулась к выключателю – да так и заснула. Но спала, казалось, всего несколько минут, потому что вдруг почувствовала на себе требовательные горячие Валеркины руки, мгновенно растегнувшие, сдернувшие с нее пижаму, его ищущие настойчивые губы, горячее требовательное, навалившееся на нее сладкой тяжестью тело мужа, уверенного в своем праве обладать ею.

Но как же сильно хотелось спать...

– Вероня, вот так... так...

И она подчинилась ему совершенно, сначала ещё в полусне, затем, по мере того, как его движения делались всё быстрее, требовательнее, грубее, проснулась окончательно, отвечая всем телом на его мощные ритмичные толчки. Впрочем, открыть глаза все же не решалась: почему-то боялась вместо лица мужа увидеть сладострастную физиономию и лакированные темно-коричневые глаза целующего её шефа Аршаковича...

Финал оказался бурным, обжигающим и довольно громким. Правда, было бы еще лучше, если бы мысли не были заняты еврокоммунистом Берлингуэром вкупе с шефом и его центростремительным поцелуем... Но что поделаешь!

После жёсткого секса Валерка еще какое-то время обнимал её, теперь уже удовлетворенно, нежно, и она чувствовала: он уже засыпает. Ну, вот и всё – отвернулся к стенке, засопел.

Зато её сон пропал совершенно. Теперь уже точно не заснуть! Промучившись ещё некоторое время, Вера осторожно, чтобы не разбудить мужа, сползла с дивана, подхватила перевод и отправилась в кухню продолжать своё скорбное дело.

Невыспавшееся пожилое утро застало её еще за работой, но большую часть доклада Берлингуэра она уже перевела. Всё! Вера решительно встала, сложила листы в плотную пачку, сунула ма-

териалы в сумку. Теперь – по обычной программе: горячий-горячий, чтобы прийти в себя после бессонной ночи, душ, затем две чашки обжигающего крепчайшего кофе, а есть она не станет совсем: и некогда, и ничего в горло не полезет! Потом быстро одеться, накраситься, но это всё минутное дело, сумка, перчатки, шапка, пакет, ключи, завихрение у входной двери, а Валерка спит, как убитый. Вот везёт же кому-то! Вихревой поток – и всё, и нет её! Была – и вся вышла!

Глава 6

Машкины откровения

Первым человеком, попавшимся Вере на глаза в институте, была Машка Швырева. Она сидела в отделе, видимо, с раннего утра и курила, как свидетельствовало состояние пепельницы, одну сигарету за другой. Она дымила прямо в отделе, хотя никто из сотрудников никогда себе этого не позволял на рабочем месте. Из висевшего на стене допотопного, почти уже бесславно скончавшегося приемника тихонько, с легким шипением, выливалась музыка: *«Не отрекаются любя, ведь жизнь кончается не завтра... Я перестану ждать тебя, а ты придешь совсем внезапно...»*

Машка посмотрела на Веру почему-то с недоверием и даже как-то обиженно, сделала последнюю судорожную затяжку, яростно затушила сигарету в пепельнице – и вдруг закрыла лицо руками.

– Маш, ну ты чего? – испугалась Вера.

Машка, не отвечая, отчаянно замотала головой, безнадежно махнула рукой, потом, порывшись в сумочке и не найдя платка, кое-как вытерла рукавом слезы, размазав по щекам черную тушь, и всхлипнула:

– Да... а ты бы сама как... если б на моем месте, а..? Если бы... у-у... пло-охо-о все...

И опять зарыдала.

Постепенно выяснилось, что Генка, Машкин муж, сегодня явился домой только под утро, и при этом от него сильно попахивало

вало водкой и слегка – чужими духами (и уже не в первый раз!), а в его сумке Машка обнаружила...

– Машк, ну ты даешь! Господи, да что же там такое быть-то могло, а?

– Представляешь, *ва-а-ре-жки!* – сквозь слезы простонала Машка.

– Ну так и что? – стала успокаивать Вера рыдающую сотрудницу. – Господи, да мало ли! Ты что, с ума сошла? Подумаешь – варежки! Я понимаю, если бы вдруг трусы женские или, ну там, презервативы даже! И потом, откуда ты знаешь, чьи это варежки? Слушай, ты даже и в голову не бери: случайно ведь могли попасть.

– Да-а, случайно! Как же, ка-ак же! Это же ведь даже не женские *ва-арежки!* – всхлипнула Машка.

– Господи, а чьи же тогда? – Вера даже рот открыла от изумления.

– *Де-е-етские...* – от ужаса Машкины глаза сделались как два мокрых чайных блюдечка, а губы задрожали. Простуженным, осипшим от слез голосом она продолжала: – Детские, представляешь, потому что маленькие, и совсем еще мокрые! Ну это же козе понятно: все точно – Галька это, его бывшая, я точно знаю... С ребенком он, видите ли, гулял до двух часов ночи! Хотя мне ничего с утра не говорил, что туда поедет. И потом, ведь не до ночи же, а пото-ом еще... – Машка снова громко всхлипнула. – Он ведь практически не встречался со своим ребенком, когда мы поженились, а теперь вот снова... И мне ничего не сказал, что идет к ребенку, вот так! Да он и вообще к другу в гости вчера пошел!

– Ну так и что из того? Подумаешь, к другу пошел! Ну, а потом, наверно, с ребенком погулял, может, вместе с другом и вообще не со своим ребенком, или со своим, неважно – экспромтом, ну встретился, вот и все.

– Ага! Щас! До двух или трех часов ночи гулял, да?!

Да, и правда, тут что-то не сходилось.

– А все эта его гадина, ну, его бывшая, она ведь теперь спит и видит, как бы его вернуть. Ну конечно! Еще бы, это раньше он

ей не так-то уж был нужен, когда простым мэнээсом⁴⁷ был! А теперь?! Он же теперь после защиты сразу старшего получил, и зарабатывает нормально, и повсюду его приглашают, и лекции он читает, пла-атные, между прочим, и в командировки ездит и по стране, и за рубе-еж! – всхлипывая, продолжала Машка. – И со всех доходов он ей без всякого исполнительного листа, по договорённости, нехилые суммы отстеживает, так что нам с Сережкой и не остается ничего почти! – Тут Машка судорожно перевела дух, всхлипнула: – А-а... Так теперь эта су-ука и вообще его увести задумала! А Сережка, кстати, такой же ему сын родной, как и та, ну, Аринка, дочка его эта, между прочим.

– Да ладно, Маш, подожди ты так уж убиваться-то, может, вообще все не так! Ну, ведь бывает же такое: складывается какая-то непонятная цепь нелепых случайностей, а потом все просто оказывается! Ты лучше разберись сначала, ну мало ли что ты себе понапридумывала – и сразу в панику!

– Не-ет, Вероня, я уж нутром чувствую: все, это конец... Я уж знаю. Понимаешь, – тут она понизила голос, – он ведь и не спит со мной последнее время. Вот и сегодня ночью: вернулся, ну, я, конечно, притворилась, что сплю, тихо-тихо так лежу, так он как можно бесшумнее влез в кровать, и на самом краешке, подальше от меня пристроился и сразу отрубился... Захрапел, *гга-ад*... утомился совсем там с бывшей своей!

Тут Машка снова всхлипнула, потом достала платок и пудреницу, вытерла слезы, откинула со лба длинную рыжеватую челку и принялась аккуратно подкрашивать ресницы, подводить глаза, продолжая рассказывать о своих злоключениях с мужем:

– А от меня отодвигается даже во сне, да еще эти духи противные, воняют, я уж их узнаю, между прочим, дешевка ужасная, я б в жизни такими не стала душиться! – всхлипнула еще раз, в заключение, Машка. – Ну, и ладно, и черт с ним... вот вернусь... В общем, мало ему не покажется! Все-все ему выскажу! Все, Веронь, давай с тобой, что ли, по сигаретке вдарим – и опять за работу, а то ведь, представляешь, Аршакович вот-вот сюда под-гребет! Я-то рано сюда притащилась, ну, ты сама понимаешь, с

утра самого, пораньше сбежала, пока Генка мой не проснулся, а шеф уж тут как тут! Он что, может, и ночевал здесь, работал, ты не знаешь?

– Так он что, Аршакович, уже здесь? – Вера испуганно показала глазами на плотно прикрытую дверь кабинета шефа. Машка помотала головой: нет его в кабинете.

– Слушай, ладно, Машка, я тоже, пожалуй, закурю...

– Ты же вроде как бросила?

– Свои – да, бросила, а твои-то закурю, пожалуй!

– Ну давай, – нервно зевнула Машка, достала сигарету, щелкнула новомодной металлической зажигалкой, придвинула вонючую пепельницу с изображением римской волчицы, вскармливающей неправдоподобно огромными сосцами уродливых латинских малюток Ромула и Рема (шеф в прошлом году привез из Рима – вкуса у него, что ли, не хватает?), с наслаждением затянулась. – Хочешь – на, возьми! – Она протянула Вере полупустую уже пачку *Ligeros*.

– Ну нет, тогда спасибо, – Вера знала эти сигареты, Валерка предпочитал их другим, и достала свой «Космос». – О Боже, Маш, что за термоядерные сигареты ты употребляешь? У меня такие муж курит, так ведь он курильщик с двадцатилетним стажем и другими просто не накуривается.

– Да нет, нормальные, и потом они зато до печенок продирают, что здорово в моем-то настроении... – Машка свирепо сверкнула мокрыми серыми глазами с комочками налипшей черной туши на ресницах, поправила свои рыжеватые волосы, подстриженные остро модным каре с градуировкой.

– Так что, шеф-то сюда звонил, что ли, а меня еще не было? – спросила Вера.

– Да, ну так вот, шеф наш в дирекцию звонил с утра пораньше, а Машка директорская сюда уже мне перезвонила. Сказал, пораньше в МИД поехал зачем-то, то есть это мне Машка по секрету сказала, и про МИД, и про то, что как вернется, так сразу к директору на ковер по поводу этого нашего цековского задания. Ведь его, крайний срок, к понедельнику в десять нуль нуль в при-

емную сдать уже надо. Ты как, кстати, все уже перевела, ну, свою часть? У вас там с Аршаковичем большой текст, я видела, а у меня-то что, ерунда, комментарии испанцев только, по прессе, и я уже все перевела, причесать вот только хотела, а тут... Ге-енка со своими ва-арежками...

– Ну... Мне совсем немного, три, ну, может, с хвостиком, странички осталось... Правда, переведенный текст тоже надо просмотреть, вдруг еще что-нибудь поправить придётся, – задумчиво протянула Вера, затем, спохватившись, вскочила. – Ой, так а чего же мы сидим-то? Сейчас придет шеф, потребует перевод... Все, Маш, я – в свой угол, и за работу!

– Ой, да погоди ты! – Машка схватила ее за рукав джемпера. – Самое интересное тебе не рассказала, чуть не забыла тут со своими проблемами!.. А ты уже слышала нашу новость? Потрясающую! Представляешь, Аршаковича-то нашего вроде как приглашают на работу в посольство, в Париж, кажется, уж не знаю там... первым секретарем или, нет, вторым, что ли? Я, знаешь ли, как-то не очень в этом разбираюсь, меня-то на такую работу не приглашают... Нет, как будто, первым, я вроде как слышала, но не знаю уж, правда, нет? Может, он и в МИД за этим поехал? А ты ничего такого не знаешь?

Вера оторопела, внутри у нее что-то словно оборвалось почему-то, хотя, казалось бы, её это никак не должно было взволновать. Затем, горячо надеясь на то, что ничем не выдала себя, произнесла подчеркнуто безразличным тоном:

– Да не-ет, не слышала... Я ж в дирекцию не хожу особо-то... Да хотя бы и так, мне-то что?

Вот же проныра эта Машка, шастает по институту, вечно трется в дирекции, собирает последние новости, курит там со всеми секретаршами подряд и чай пьет, ну, а те всегда все про всех совершенно точно знают! А еще все-таки больно царапнуло: шеф Аршакович уедет – ну как же так?

– Да... вот так... такая вот важная персона наш шеф Аршакович-то, да?! Но тогда он от нас уйдет, а на отдел кого назначат? Он все в МИД мотается, в Дипакадемию, в международный от-

дел ЦК, чуть ли не по несколько раз в неделю, и вот, может, во Францию на работу... – Теперь уже Машка заметно оправилась от своих горестей – надо же, как быстро, и, как всегда, новости так и сыпались из нее, как из рога изобилия. – И знаешь, вот если Александра поставят на отдел, так это уже вообще просто караул будет! Зануда он жуткий, и вечно придирается ко всем – с ним тогда точно и не опоздаешь, и не отпросишься!.. А Соловьева если назначат – ну это вообще кранты! Он же всего на свете боится, у него прозвище даже «Заячьи уши»!.. Ой, слушай, вот же еще что! Анечка-то наша как из больницы вышла, так на работе пока что не появляется... дома долечивается, – протянула ехидная Машка.

«А ты это к чему?» – хотела спросить Вера, но потом отреагировала неопределенным междометием «м-да», прекрасно понимая, к чему это сказано.

– Так она теперь вроде, наконец, замуж выходит, знаешь ли, за какого-то старого знакомого своего, друга детства, кажется. Ну, и слава богу, правда? Я за нее рада! И потом, не может же она вечно по нашему шефу сохнуть! Она-то, знаешь ли, конечно, рассчитывала: вот он разведется, потом сразу женится на ней, ну, и так далее... У них же долго роман был! Как же, прям сейчас, так и разбежался – женится он! Держи карман шире: такие не разводятся и не женятся! А еще, знаешь, там ведь и ребеночек даже в проекте уже был задуман... Да вот только наш шеф насмерть, видимо, встал, вот и пришлось ей... – Машка понизила голос до театрального шепота.

Ну почему вредная Машка всегда успевает быть в курсе таких подробностей?!

– Господи, – не выдержала, наконец, Вера, – ну вот откуда ты всегда всё про всех знаешь? Ну что тебе-то за дело? И потом, ну мало ли что наши секретарши болтают! Может, и не было ничего такого? А то – вот так прямо сразу и ребенок! Что ты, свечку, что ли, над ними держала? Ну зачем в чужие дела...

Машка даже подскочила на стуле, и пепел сигареты просыпался на её джинсы.

– Да?! – Машка так и подскочила на стуле. – А ничего, если

она сама мне про все это сказала? А как ее в туалете выворачивало наизнанку? А что как она есть ничего не могла, все назад?.. А если она сама у меня на груди рыдала где-то с полгода назад, не знала, что делать, советовалась? У меня у самой прямо чуть сердце не разорвалось от жалости! Ей же уже слегка за тридцать, и здоровье хилое, кстати: то придатки, то почки схватит! И, между прочим, она даже очень хотела ребенка-то оставить, вообще-то, даже если он не разведется... если откажется, не признает! И она бы так и оставила, да когда ему сообщила эту радостную весть, так он, поди, на дыбы встал! Ну, по крайней мере, я так поняла из её рыданий у меня на груди. А как же? Вдруг кто узнает, что от него... разговоры пойдут в институте... до жены дойдёт... Ну, и настоял все ж таки, потому что иначе ей из института уходить надо, а куда она пойдет? У нее мать только, и помогать ей она не может, сама еле-еле вытягивает. Вот и пришлось ей аборт сделать, причем на большом уже сроке, кажется... наверняка, он её куда-то пристроил, проплатил это дело, ну хоть так проучаствовал, не бедный же, ведь в больницах наших уже не берут на таком сроке, да и вообще, наши больницы! Представляешь себе?..

Надо же, Машка даже как-то повеселела от этих сплетен, во всяком случае, слегка отвлеклась от собственных горестных проблем.

– Знаешь, Веронь, – продолжала Машка вспоминать, вдохновенно, театральным шепотом, – ну, вот я помню, пошла я тогда как-то раз в туалет чашки помыть, так вот Анютка-то наша стоит у окна и ревет прямо белугой.

– Ну и что с того? Мало ли... – усомнилась Вера.

– Да ничего, конечно, только потом ее как стало всю наизнанку выворачивать... Ну, в общем, картина «Не ждали!» Вот после этого Анечка мне все и рассказала, и рыдала при этом ужасно... Она же, понимаешь, хотела от него ребенка, вот какое-то время и скрывала, она же рожать собралась, она же уже не девочка все-таки, да?.. И потом, она мне тогда призналась, что очень его любит... А рыдала прямо в три ручья... у меня на груди... нормально, да? Ой, слушай, Веронь, но только ты смотри, чтоб никому-никому,

ладно? А то я же ей слово дала! Правда, теперь-то дела прошлые, но все равно... Хотя, знаешь, про их роман вообще-то многие знали, а она сильно в него была влюблена... не просто амуры крутила, как он, а по-настоящему его любила.

– Ну?... – Вера отмерла, наконец.

– А что ну! Ну – баранки гну! Чего нукаешь – не запрягала! Ну, это уж не знаю я, что там потом было, но вот как пить дать, он, гад, настоял, не она же так решила! Ребенка-то нет! А в проекте был... Вот трусоватый все-таки у нас шеф, и с ней вообще-то подло поступил! Если бы даже Анютка ничего никому и не сказала, это для него какой же риск: ну вдруг кто потом узнает, от кого ребеночек-то! Многие же в институте у нас знали, что она с ним... В партком сообщили бы, жене – ну и покатилося бы! А он за границу постоянно мотается, и не куда-нибудь, а то в Париж, то в Рим, то еще куда. И закрылись бы все его границы вместе с карьерой аппаратной большим медным тазом, понятно? Вот сволочь какая, правда, Вер? А в общем-то, чего же от него и ждать: все мужики одинаковы... на один манер скроены – все только кататься любят... а он, тем более, очень он эти амуры уважает, и сам очень даже ничего из себя – такие сильно нравятся бабам.

И после паузы вредная Машка глубоко затянулась сигаретой и вкрадчиво не проговорила даже – пропела:

– Так что, Веронь, ты уж лучше сразу поймей себе в виду: шеф-то наш известный жуир и сердцеед, и притом коварный жутко! Так что с ним лучше не связываться...

Вера оторопела:

– Маш, да ты что? А я здесь при чем? Ты мне-то для чего все это говоришь, а?

– Да не-ет... – протянула Машка, снова сделала глубокую затяжку, красивыми большими кольцами медленно выпустила дым и криво усмехнулась:

– Слышь, отомри! Шучу, конечно! Ты-то, вообще, конечно, совсем даже здесь и ни при чем... Я так просто, на всякий пожарный... предупредить... Хотя не скажи, не скажи: вон как у тебя глазки-то загорелись, да и он, похоже, тебя в последнее время кле-

ит, сразу видно... глаз положил. Ему ведь как раз такие нравятся: стройные блондиночки, волосы золотые, глаза синие, все, как у тебя... Хотя Анютка-то наша брюнетка... Ну, вообще-то ему так и удобнее: ты ж у нас девушка-то замужняя – если что, так и претензий иметь не будешь... Но вообще-то имей в виду...

«Потому что Создатель, когда мастерил мужчин, явно что-то перекосил в них»... – почти дословно припомнила Вера цитату из Цвейга, но вслух сказала совсем другое:

– Да ничего подобного, и потом, что ты всё вечно выдумываешь?

Глава 7

Духовность джинсовой Стаи

Машка, совсем уже оправившаяся от своих страданий, вдруг вскочила и закружилась на месте:

– Ой, слушай, а ведь я тут со всеми своими делами да огорчениями и похвастаться совсем забыла: смотри, какие у меня теперь новые джинсы? *Фирма*, между прочим, *Wrangler* настоящий, прямо из Штатов, нормально, скажи?! – Она поворачивалась к Вере то задом, то передом, то боком, то изгибалась, показывая ей свою обновку. – Не, правда, зацени, а? Это мне этот гад, муж Генка привез, правда, из Франции, из Лиона, но там такие запросто можно купить, если в американский магазинчик зайти... А еще и батничек в обтяг к джинсам, кстати, имеется, это я в понедельник надеву! – Тут Машка вдруг запнулась, потом злобно прошипела: – Вот интересно, а этой гадине своей бывшей он такие же привез или другие какие? Она же толстая – не влезет! Я как-то на фотографии её видела, так у нее зад... во какой! – Она широко развела руками. – Прямо смех один! Она же в джинсы 58 размера и то, наверно, не влезет!

Потом Машка продолжала восторженным тоном: – А у нас здесь такие, сама знаешь, на 400, а то и на полтыщи рэ потянут, не меньше, так ведь еще найти надо у *фарцы* на *балке*... Вот в Ленинграде или, там, в Прибалтике... Ну, там-то, конечно, чуточ-

ку полегче и подешевле, наверно... моряки из загранки в порт привозят, там Эльдорадо! А в Москве нашей занюханной... В общем, *фирма фирма* и есть, и *статус*, между прочим, тоже вещь у нас не последняя, сама знаешь. Слушай, а теперь дальше надо в партию пробиваться... Самим, причем, дергаться нужно, знаешь ли, а то ведь так и просидим здесь сто лет в мэнээсах, без всяких перспектив загранкомандировок!

Машкины джинсы действительно выглядели потрясающе и сидели на ней великолепно – как влитые. Вера только открыла рот, чтобы их одобрить, как дверь открылась и в комнату вошел шеф с большой папкой под мышкой.

– Вера, – сказал он скучным кусачим тоном, не утруждая себя приветствием, – вы опять пришли поздно. Как у вас дела с переводом, надеюсь, всё уже закончили?

– Да, Павел Аршакович, у меня осталось всего три странички, даже чуть меньше, и это часа на два работы всего, наверное. Я и так всю ночь за переводом провела...

– Ладно, давайте мне пока скорее уже готовый текст, я сейчас просмотрю и машинистке сразу отдам, она ждет, а вы, пожалуйста, побыстрее все заканчивайте, а то уже и директор сейчас интересовался... Маша, а вы что крутитесь тут? У вас как, какие комментарии испанцев вы перевели, что Карильо⁴⁸ по этому поводу думает?

– Да-да, Павел Аршакович, сейчас вот только проверю тут кое-какие места и все вам отдам.

– Всё, девушки, срочно за работу, и давайте-ка, смотрите, чтобы без перекуров или там чаев, ясно?

Взяв у Веры текст, шеф удалился в свой кабинет.

– Смотри, Веронь, так если что, я тебя на всякий пожарный предупредила, – прошептала Машка, загасив сигарету и старательно подтягивая на бедрах свои джинсы. – А то... – ехидно процедила она сквозь зубы, – наш шеф – он человек коварный, знаешь ли...

48 Сантьяго Карильо – генеральный секретарь испанской компартии в 70-е гг, соратник Э. Берлингуэра, теоретик и практик еврокоммунизма, автор нашумевшего тогда теоретического труда «Государство и еврокоммунизм (1977).

Вера переводила текст почти механически – и вспоминала, как она, совсем еще зеленая, наивная, пришла в информотдел научного института сразу после окончания университета. Ее, конечно, тоже *по звонку* на работу взяли: иначе в такое престижное учреждение не попадешь. Однако вписаться в дружный коллектив, в этот узкий круг *позвоночников*, попавших сюда по знакомству, по звонку, избранных сильных мира сего она не могла. Конечно, связи в советской действительности решали все, без связей в этот круг не попадешь, но *упакованной*, то есть своей, она отнюдь не была, строгим их канонам сопричастности не соответствовала. Чужачка, аутсайдер! Свысока смотрели на нее выпендренные выпускники и выпускницы МГИМО, в основном с экономического факультета или факультета журналистики, чьи родители или супруги были постоянно выездными за кордон, уже накопили на сберкнижках приличные суммы, имели чеки Внешторгбанка, а значит, доступ к дефициту.

Эти высокомерные девочки и мальчики из информотдела отличались специфическими манерами, имели свой, особый, мир, бережно выпестованную цель и действовали в соответствии с четким стереотипом, используя отточенный, хотя и нехитрый набор типовых инструментов для достижения этой цели. При первой же возможности они вступали в партию, получали партбилеты, уплачивали с зарплаты членские взносы и очень этим гордились: ведь это тоже было показателем избранности, *причастности*.

Стая исповедовала советскую идеологию, произносила громкие лозунги насчет верности партии и правительству, говорила о высоких моральных и духовных устремлениях и высмеивала проявления мещанского *вещизма*, а на праздничных посиделках трудового коллектива торжественно поднимала бокалы за торжество дела социализма и коммунизма на всей планете. Ребята из комсомольско-внешторговской стаи клялись сделать все для счастья народа своей великой родины и бороться до потери пульса с проклятым загнивающим (но как пахнет!) американским империализмом и международным сионизмом, чтоб этим империали-

стам неповадно было, и ездили с целью этой борьбы по городам и весям огромной страны, неизменно отмечались там в райкомах и обкомах, читали лекции по линии общества «Знание» или КМО⁴⁹. Здесь, в этой комсомольской *кузнице* – очередной штамп Стаи – выковывались лучшие, отборные, насквозь проверенные комсомольские, затем партийные кадры, заряженные патриотизмом. Квасным патриотизмом.

И лучшие из них, то есть прославлявшие родную *отчизну* особенно ретиво и рьяно, начинали продвигаться уже не по научной линии и быстро делали карьеру, становясь функционерами партийного или чекистского аппарата. Для этого от них требовались незаурядная ловкость и сообразительность, изрядная доля беспринципного честолубия, лицемерия, лести. Но именно эти качества позволяли вожакам Стаи в рекордные сроки проложить путь наверх, проявить себя уже в амплу партийных активистов или доблестных работников незримого фронта борьбы с инакомыслием, оказаться в парткоме или в первом отделе института⁵⁰... И это была лишь первая ступенька на карьерной лестнице.

Правда, лишь совсем немногие из них вступали в партию по идейным соображениям, по убеждению. Подавляющее большинство молодых коммунистов информотдела, да и института в целом, не только не скрывали того, что партия для них – всего лишь ступень к благосостоянию, необходимое условие карьерного роста, прыжок наверх, куда-нибудь в МИД, в Дипкорпус, в капиталистическую загранку, но и цинично говорили об этом между собой. В кулуарах, конечно! Там они смаковали подробности шикарной заграничной жизни, сходили с ума от немыслимого богатства и блеска Нью-Йорка, Парижа, Рима, от капиталистического изобилия бутиков и супермаркетов, где все есть и ничего не надо *доставать*, а можно вот просто так зайти и тут же, без

49 КМО – массовая советская организация Комитет молодежных организаций.

50 Первый отдел существовал в любом советском институте или учреждении, осуществлял наблюдение за идеологической чистотой и моральным обликом сотрудников. Его руководитель отслеживал их неблагоприятные действия и неблагонадежные разговоры и докладывал об этом наверх, по инстанциям.

всякой очереди, купить. Восторгались океанами ночных огней, неонам рекламы, роскошью отелей, исходили завистью при мысли о шике кафешантанов и ночных ресторанов, исходили желчью от желания попасть *туда*, в *буржуйскую загранку*, и надолго, и изведать все эти радости жизни на прогнившем Западе...

Таков был бесхитростный набор устремлений Стаи, нравственный императив, их система ценностей. А на партсобраниях эти ребята, конечно же, помнили об особой, *собственной*, гордости советских граждан, проявляли себя последовательными борцами за дело коммунизма в нашей стране и во всем мире, демонстрировали верность партии на словах и на деле, соблюдали партийную принципиальность и дисциплину. Те же, кто не вышел еще из комсомольского возраста, всячески старались быть – или *слыть* – правоверными комсомольскими вожаками, активными молодежными лидерами, будущей *сменой* и тоже при первой возможности подавали заявления о вступлении в партию, получали рекомендации от коммунистов с большим стажем...

Эти ребята имели свой особый, не совсем понятный чужаку, птичий язык, состоящий из кодовых обозначений, расхожих штампов. Типовой, стандартный набор словечек, фраз, позаимствованных из культовых фильмов, редко-редко из книг, юмористических передач, анекдотов с бородой, из переделанных записными остряками песен, стихотворений... Широко в ходу были англицизмы, а чаще псевдоанглицизмы, иной раз искаженные и не всегда корректно используемые французские слова...

А главное – они щеголяли в *фирме*. И это тоже был своеобразный опознавательный знак сопричастности, сигнал, пропуск в общество сильных мира сего. Принадлежность к внешторговской околонуточной элите определялась жесткими стандартами.

Строго заданная униформа. Джинсы, причем только штатовские – *Wrangler*, *Levi's* или *Lee* и никак не ниже. Помимо заклепок, лейбла и карманов в нужных местах, новые джинсы должны непременно иметь глубокий кобальтовый цвет, с яркой искоркой, просинью, быть бархатистыми даже на вид, а еще *стоять*, если кому-нибудь вдруг приходило в голову проверить их плотность

таким образом. Они сидели непременно влитую, то есть застегивали это стоячее новье, особенно при первой примерке, исключительно лежа, на выдохе... Такие джинсы, а лучше, джинсовые костюмы, можно было купить только в Штатах или, если уж очень повезет, в спецраспределителе. А *достать* – нет! Ни в самой раскрученной комиссионке, даже по большому благу, ни в «Березке» их не сыщешь ни за деньги, ни за чеки. Конечно, если иметь связи, то можно достать и у *фарцЫ*, но за немислимые деньги: меньше, чем за четыреста, а то и пятьсот рубликов не купишь, а где их взять при окладе сто сорок рэ? Да и фарцовщики – люди осторожные, недоверчивые, с кем попало дела иметь не станут, ведь за *фарцУ* и загреметь куда надо можно, а уж за валютные операции – и подавно мало не покажется, так что, мама, не горюй! К ним приходят только по знакомству, точнее, по цепочке, к тому же, иначе легко нарваться на товар ненадлежащего качества... Вот за анонимность и приходится приплачивать дополнительно. Европейские джинсы, а также вельветовые или замшевые, котиrowались ниже.

К этому американскому джинсовому великолепию требовались блузки-батники строго по фигуре, естественно, от лучших европейских фирм, *фирмОвые* галстуки (а иначе нарушение!), *фирмОвые* же замшевые пиджаки, куртки из мягкой итальянской кожи, итальянские же или французские кожаные сумочки, туфли-платформы по последней моде. А как можно обойтись зимой без норвежской или, на худой конец, греческой дубленки (болгарские – фи! – в счет, конечно, не шли) и без лисьей шапки опять-таки из буржуйской заграники!

Престижные, упакованные ребята обменивались классными дискАми, тоже из США или Западной Европы, девочки непременно обволакивали себя густыми облаками *Climat* или *Chanel*, использовали только буржуйскую косметику, молодые люди тоже распространяли дорогой парфюм известных французских фирм...

Ну, а апофеозом всего этого заграничного великолепия становилась машина! Конечно, в основном на кону была «Волга» последней марки – олицетворение принадлежности к миру избран-